

**МЕРИС
ИРВЕСС**

Янтарный волк

2016

Annotation

Говорят, что самые заветные желания обязательно сбываются. В это очень хотелось верить молодой художнице... Да только вдруг навалились проблемы. Тут тебе и ссора с другом, и никаких идей, куда девать подобранного на улице мальчишку. А тут еще новая картина «шалит». И теперь неизвестно, чего же хотеть?

Мерис Ирвесс
Янтарный волк

Она смотрела на свою собственную картину так, словно впервые видела. И хотя девушка никогда не считала себя выдающейся художницей, но на сей раз, она не могла не признать того, что вышло что-то необыкновенное.

Карина, вообще, не очень-то верила во всякую ерунду типа перебегающих дорогу черных кошек или сглаженных булавок. Поэтому и сейчас сослалась на свой слишком живой ум и неумную фантазию.

Она трудилась над этой картиной на протяжении полугода, почти каждый день вырисовывая мелкими штришками то голубое небо, то кроны деревьев. У девушки появилась даже своя любимая березка. Но до последнего момента ей и в голову не могло прийти, что среди переплетений листьев можно угадать очертания волка. Ну, или какой-то крупной собаки, оскалившейся на золотое солнце. Карина тряхнула непослушной гривой прямых темных волос, с раздражением подбирая их в высокий хвост. Давно собиралась отрезать и перекрасить. Но все окружающие, как один твердили художнице, что этого делать не стоит.

«А ведь они не правы! Мне замечательно будет блондинкой. А лучше, если на фоне совсем светлых прядей будут мелькать золотистые. Тонкие, как ниточки... золотые», — Карина невольно улыбнулась, представив себя совершенно другой, обновленной. Точнее, даже не себя, а какую-то незнакомку, легкую, воздушную, свободную, лица которой она не могла разглядеть. Вообще, девушка была способна видеть в деталях даже те пейзажи, которые никогда ранее не видела. Выдумать любое человеческое или не совсем человеческое существо. Пару раз она рисовала для своей подруги портреты эльфов. Та была просто свернута на всяких сказочных историях о благородных магах и добрых вампирах. В отличие от Лерки, Карина никогда не приходила в иступление и не роняла слезы над фразами, вроде: «Он взял ее за руку и повел по тропинки в светлое будущее...». Впрочем, и само светлое будущее было для Карины чем-то весьма сомнительным... Но дело было не в этом. Те самые портреты вышли так красочно, что Лерка еще неделю ходила за художницей, цитируя очередную книгу и доказывая, что нормальный человек не способен изобразить эльфов настолько реалистично. Такое ощущение, что она их живьем видела.

Карина отошла от мольберта, усаживаясь в продавленное кресло с ногами. Теперь можно было и комбинезон постирать. Заляпанная до неузнаваемости джинсовая тряпка почти слилась цветом с майкой и руками. Наверное, не обошлось без пятен на лице, но девушку это не особенно беспокоило. Она неотрывно смотрела в одну-единственную точку своего нового шедевра, пока глаза не начали слезиться. И все равно, даже после этого желтые кроны никак не захотели разбиваться на отдельные листочки. Они по-прежнему скалилась зверем. Художница решительно встала, хватая кисточку. Конечно, пытаться хоть как-то исправить уже готовую работу невероятно сложно, но уж слишком резко отличался беспорядок других веток с упорядоченностью этих «волчьих». Однако, она так и не смогла даже коснуться кисточкой картины. Что-то внутри заорало: «Это же настоящая фишка!». А еще глубже, почти неосознанно зазвонил колокольчик беспокойства: «Нельзя! Он должен жить». Правда Карина так и не поняла, кого имело в виду подсознание. Но раз сознание согласилось с ним, пришлось ей отступить под их совместным натиском.

Тщательно укутав свою первую картину на тему осени, девушка с осторожностью проверила каждый сантиметр желтоватого брезента. Карине очень не хотелось, чтобы ее

зеленая травка уже через неделю пребывания на чердаке потускнела или совсем выцвела. Конечно, производители на упаковках, словно сговорившись, уверяли, что их «ультра современные краски, сделанные с помощью инновационных технологий не подвержены губительному воздействию ультрафиолетовых лучей, повышенной влажности и температур». Да только береженого, как говорится, бог бережет. Хотя и в последнего Канина не очень-то верила.

Девушка невесело хмыкнула, ловя себя на очередном противоречии. В бога она не верит, а между тем не может не признавать, что есть что-то высшее, чем люди, чем весь этот свихнувшийся на оружии и разврате мир. И что же это, если не бог?

— Действительно, что? — уже вслух произнесла Карина, в задумчивости опираясь на низкий подоконник. Большущее окно, специально прорубленное отцом для того, чтобы его любимая дочурка могла часами торчать в своей мастерской, выходило как раз в небольшой садик. Только-только начали зацветать яблони, а абрикосы потихоньку ронять свои чуть розоватые лепестки на дорожки. Теплая, прогретая, казалось, до самой мантии почва, неспешно покрывалась зеленым налетом трав. Девушка в который раз позавидовала черным пластам. Представила, как тяжелые лучи солнца растекаются по саду, словно целуя и лаская землю. И почти почувствовала себя такой же счастливо-разморенной. Она с укором перевела взгляд на высокие стволы фруктовых деревьев, способных рождать что-то ценное, способных с тихим спокойствием покрыться снегом, замереть, уйти от этой ненормальной жизни.

Именно за это Карина и ненавидела весну. Не потому, что бесконечные грязь и лужи весь март, а то и часть апреля мешали нормально ходить по городу. И не потому, что весной начиналась главная нехватка витаминов. Нет. Девушка просто завидовала, до боли и огорчения завидовала тем проявлением радости и жизни, что все сильнее вопили о себе первыми птицами, укорачивающимися ночами и грозами. Видимо поэтому, последние месяцы она и рисовала осень. Золотую, наполненные светом, не менее яркую и цветастую, но более сдержанную. И последние годы такую родную и любимую Кариной.

Уходить с чердака не хотелось, поэтому художница просто уселась обратно в кресло с уже испорченным настроением. Даже если это самое высшее и было богом, то он как-то неправильно слепил ее. Все вокруг, словно заведенные, носились по проспектам. Ее подруги наперебой трещали об очередных романах, жалуясь на незапланированное недосыпание и протекающие в приятных хлопотах дни. И только Карина неизменно хмыкала и предпочитала отсиживаться или в спальне, или в своей мастерской. Темные шторы топорщились от врывающегося в комнаты ветра, но девушка старалась не распахивать их широко.

И вот теперь еще картина. Художница досадливо закусил губу, срывая брезентовую обертку с мольберта. И обмерла, едва пересиливая себя, чтобы не закричать не то от удивления, не то от страха: картина была прекрасна, как и прежде, но никаких очертаний, похожих на волчи на ней не было.

Столик в глубине зала был свободен. Днем подобные заведения были почти пусты. В крайнем случае, примерно к часу — двум дня сюда начинался стекаться народ на обеденный перерыв, чтобы выпить чашечку кофе и засунуть в себя пирожное. Однако, Карине не куда было торопиться, так что она спокойно и размерено принялась изучать меню, очень надеясь, что за ней уже следят. И точно, не успела художница просмотреть и семи наименований, как рядом с ней выросла знакомая фигура хозяина кафе. Девушка даже через кожаную папку

почувствовала его заинтересованный взгляд глаз-вишен. Или точнее, глаз-черносливен, ведь никакого намека на багрянец в них не было.

Понимая, что отдельно глаза, как и другие части тела, находиться не могут, художница немедленно подобралась, собираясь поприветствовать их владельца. Тот не обманул ожиданий, поспешно выходя из тени, отбрасываемой очередной бутафорской статуей, внутри оказывающейся полрой. Ник, как всегда был в своем репертуаре, предпочитая лично следить за всем происходящим в его заведении.

Девушка страшно завидовала парню всю свою сознательную жизнь. Они выросли в одном дворе. Но ни друзьями, ни даже знакомыми не были, пока не попали в один класс. Никита уже тогда отличался от остальных сверстников необычайно взрослым взглядом на жизнь. Возможно, поэтому уже в двадцать четыре года он смог открыть собственное кафе и закончить институт. Пока приятель делал себя сам, Карину делали ее родители. И это был только первый пункт в списке поводов для зависти Никите. Кроме того, парень умел играть на пианино, гитаре, флейте и от души барабанил по всему, что издавало громкие звуки. Учитывая, что у девушки напрочь отсутствовал музыкальный слух, не было ничего удивительного в том, что и это обстоятельство вошло в список. Еще Никита был свободен, как птица, вовремя сбежав от своих родственников на отдельную жилплощадь. Но больше всего художницу добивало то, что друг имел приятный голос и незаурядную внешность. Причем это был уже не просто «пунктик», а целая статья, которая доводила порой до бешенства.

«Зачем парню красота?» — не раз задавалась Карина вопросом и отвечала совершенно однозначно: «Незачем». Пару лет девушка не то чтобы вздыхала по Никите. Скорее он просто доставлял ей эстетическое наслаждение, как тонкая фарфоровая ваза или золотое кольцо на пальце. Потом то ли красота поистерлась, то ли глаз уже привык. Но теперь Карина редко заглядывалась на друга, все еще не меняя своего мнения, что всех красивых парней надо расстреливать и топить, чтобы своим видом не портили нервы девушкам. Хорошо хоть Никита этого не знал.

— Привет, Карина! По какому поводу решила посетить мое скромное заведение? — усаживаясь напротив художницы, начал он расспрос.

— Почему ты думаешь, что для этого мне нужен повод? — притворно улыбнулась художница.

— Потому что просто так ты никогда ко мне не заходишь. Что опять стряслось? На каком фронте наметились тревожные перемены? И последний вопрос: кофе будешь?

— Отвечаю с конца, — подстраиваясь под необычную манеру собеседника высказывать мысли, уже искренне растянула накрашенные губки девушка, — Кофе буду. Желательно...

— Знаю-знаю! — замахал руками Никита, — горячий, без молока, но с пряностями и маленьким медовым пирожным. А что там насчет остальных вопросов?

— Перемен нет.

— А почему так грустно?

— А ты считаешь, что я должна радоваться? — пожала плечами Карина, — Я стою на земле, она крутится, а я не сделала ни шагу вперед. Эта статика меня добивает. Все одно и то же, изо дня в день. Я не развиваюсь ни как творческая личность, ни как личность вообще.

— Но разве ты не занимаешься своими картинами? — удивился владелец заведения.

— Занимаюсь. И это единственное, что спасает меня от полного Хаоса в голове. Весна знаешь ли, не самое удачное время, чтобы расставлять все по полочкам. А именно этого мне

сейчас больше всего и хочется. И перемен.

— Перемен? Слушай, ну это уже избито. Кажется, только ленивый не цитировал Цоя.

— Причем здесь «Кино»? Я также свободно могу процитировать кого угодно, но смысл от этого не меняется. Мне хочется чего-то нового, что вывело бы мою жизнь... существование на новый уровень.

Ник невольно вздохнул, услышав последнюю поправку подруги. В отличие от некоторых людей, он четко понимал разницу между случайно произнесенным словом и тщательно подобранным. И данный подбор его не очень-то обрадовал. Карина всегда была ему симпатична, хотя парень и считал, что у нее слишком много тараканов в голове на одного достаточно хрупкого человека. Ну, а что поделаешь? Женщина, тем более, художник просто не может обходиться без этих милых насекомых.

— И чего же хочет моя бывшая одноклассница? — подзывая пальцем официанта, поинтересовался Никита. Служка нагнулся, тщательно вслушиваясь в едва различимый шепот непосредственного начальства. Потом коротко кивнул, и, махнув накрахмаленным полотенцем, ушел за заказом.

— Не знаю. Но ничего такого сверхъестественного точно. Мне нужна цель, новое занятие. Мне иногда кажется, что я не совсем то, чем хочу быть.

— Не соответствие внешнего образа внутреннему содержанию? Это проблема всего слабого пола. Вы вечно недовольны своим видом и в сорок лет хотите выглядеть двадцатилетними девочками. Так что не переживай, это явление проходящее. Вот выпадут у тебя зубы, начнет все болеть, а спина перестанет гнуться, и все твои мысли будут лишь о том, как бы от этого избавиться, а на внешность уже будет плевать.

— Спасибо, Ник, утешил! — хмыкнула Карина, — У меня такое ощущение, что я просто не доживу до такого «замечательного» состояния.

— Брось. Лучше покушай вот это, — снимая с подноса две чашки кофе и целую горку из золотисто-коричневых роз, прервал собеседницу парень, — Я назвал эту прелесть «Золотая сказка». Правда, на сказку это не очень похоже, но зато по вкусу весьма приятно.

— Надеюсь, ты не облил обычные цветы глазурью? Я как-то не очень люблю траву.

— Обижаешь. Это чистейший шоколад, сам вырезал. Всю ночь сидел и выделял их, — для убедительности хрупая первой розочкой, произнес Никита, — И, кстати, ты еще на третий вопрос не дала ответа.

— Да, — словно вспомнив, что пришла не ради вычурных украшений на выпечке, протянула Карина, — Я кончила свою «Осень».

— Отлично, может, я как-нибудь навещу тебя, посмотрю, во что превратились карандашные наброски больше напоминающие случайное сплетение кривых линий. Ладно-ладно, не обижайся. Просто для не посвященного они выглядят не слишком понятно. Зато твои картины — это, действительно, красиво. Очень. Но так что же там с твоей «Осенью»?

Художница даже не удивилась проницательности друга. Уже по ее тону друг понял, что с ее картиной, действительно, «что-то» произошло.

— Понимаешь, я вчера только обнаружила, что там листья берез по очертаниям напоминают волка. Представляешь, какая чушь? Вроде ветки, как ветки, желтые листочки. А взглянешь внимательнее, так там настоящая фигура зверя. Конечно, это может быть и мое воображение все это рисует. Я даже поверила в это, когда второй раз на картину посмотрела и никакого волка там не обнаружила. Но сегодня утром распаковала ее, и снова эта тварь.

— Интересно. Ты меня прямо-таки заинтриговала, — задумчиво произнес Никита,

покусывая кончик ложки, — И что, она не может быть чем-то другим? Ну, например, собакой или медведем? Почему ты считаешь, что очертания волчьи?

— Просто я не думаю, что медведи могут выть. А зверь там точно на луну воет. Морда поднята, оскалена, а сам сидит. И на собаку не похоже, слишком крупная и поджарая. Если только это не лайка.

— Ты рассуждаешь так, словно там и, правда, животное изображено. Ладно, если ты доела, пойдем к тебе. Я лично во всю эту ерунду не верю, но если листики напоминают что-то еще кроме листьев — на это стоит посмотреть.

Никита первым встал, направляясь к выходу. Ему было не о чем беспокоиться: все работники кафе, начиная заместителем директора и кончая полумойкой, были его доверенными людьми, не единожды проверенными в сложных жизненных ситуациях. Что-то, а времени и сил на подборку кадров парень не пожалел. Поэтому, как только они с художницей начали движение к выходу, сейчас же к нему поспешил главный пекарь.

— Тебя сегодня ждать? — напрямую спросил он, отряхивая по пути руки от муки.

— Думаю, нет. Так что, придется тебе без меня тут похозяйничать.

— Хорошо, Ник. Никаких особых распоряжений не будет?

— Нет. Все, как всегда. Да, — владелец кафе обернулся уже на пороге, бросая пекарю связку ключей, — Отгони мою машину к дому. Я поеду с Кариной.

— Конечно, — привычно сунув колечко со звенящими ключиками и смешным брелком-чертиком, отозвался пекарь. Потом усмехнулся, и зашагал обратно на кухню. Ему еще предстояло продержаться у плиты восемь часов до конца рабочего дня.

Когда Карина тащила вверх, в мастерскую, буквально за руку Никиту, у нее было такое чувство, будто все виденное сегодня утром — не более чем какой-то странный сон. И как только она еще раз взглянет на картину, никаких намеков на очертания волка там не будет.

— Ник, ты мне веришь? — резко развернувшись посреди лестницы, спросила девушка в лоб, — Я хотела сказать, не считаешь ли ты, что это всего лишь мои выдумки?

— Конечно, ты всегда отличалась развитой фантазией, но даже тебе вряд ли пришло в голову с таким выражением лица рассказывать мне подобное, да еще и привозить к себе.

— Это с каким же, извини, выражением? — подозрительно уточнила Карина.

— Ужаса и беспомощности, — сразу посерьезнел парень.

— Пойдем, — продолжая путь на чердак, бросила художница через плечо. Еще несколько крутых, узких ступеней, и они вступили в настоящий Хаос. Так, по крайней мере, показалось Никите. Всюду, словно покойники, стояли закрытые белыми простынями картины. На столе кучей лежали самые разнообразные кисточки и выпачканные краской губки. Сломанные карандаши, какие-то коробки и обрывки бумаги устилали все пространство под ним. И посреди этого «творческого беспорядка» возвышался мольберт, упершись в деревянный пол своими ножками, словно врастая в него. Карина первой переступила порог, медленно подходя к оставленной на специальной поставке картине. Все прежнее спокойствие оставило ее. Ей не было страшно за то, что она может показаться глупой паникершей. В конце концов, если среди березовой листвы не обнаружится мерзкой оскаленной пасти, ее бывший одноклассник всего лишь пожмет плечами, списывая все на живой ум художницы. Но Карина боялась и одновременно хотела того, чтобы волк все-таки был, и чтобы Никита его тоже увидел.

Девушка дрожащими руками сорвала с полотна обертку из мешковины и отошла на

несколько метров назад, позволяя парню подробнее рассмотреть стройные стволы и голубое небо над ними. Она так и не нашла в себе сил даже мельком взглянуть на свое последнее творение.

— Ты права, — после нескольких секунд молчания произнес друг.

— Что? — не совсем понимая, что именно имел в виду Никита, надтреснутым голосом спросила художница.

— Он там. И я руку готов на отсечение дать, что это не просто обман зрения. Как только ты смогла такое нарисовать? Это даже специально не всякий сделает.

Девушка, наконец, подняла глаза и тут же встретилась с восхищенно-испуганным взглядом Ника. Стараясь не выдавать бурливших внутри эмоций, девушка медленно повернула голову к холсту и окончательно застыла, не в силах отвести взгляда от увиденного. На нее уже смотрел не просто размазанный образ, образованный случайным переплетением ветвей. Казалось, что листья, создавшие очертания зверя потемнели, точнее, приобрели иной оттенок. Но этого просто не могло быть!

— Он изменился.

— В каком смысле? — удивился парень.

— Он стал четче и словно посерел.

— Карина, если бы я знал тебе чуточку похуже, я мог бы подумать, что ты меня разыгрываешь. Даже если краска и поменяла цвет, то она должна была это сделать на всей картине. Знаешь что? Отдай мне ее.

— Не могу, — замотала девушка головой.

— Почему?

— Я не знаю, как тебе объяснить, но мне кажется, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Это моя картина, и мне нельзя ее кому-либо отдавать, — из глаз Карины полились слезы. Сейчас же противно захлюпало в носу, а виски начало ломить.

— О! Да это же всего-навсего рисунок! Ты можешь при желании где угодно такое изобразить! — трагически закатывая глаза, произнес Никита, но художница оставалась непреклонной, — Ладно. Тогда переезжай ко мне вместе с картиной.

— Зачем? — не поняла художница. В голове ее что-то страшно гудело, не давая полностью осознать всю глубину сделанного приятелем предложения. Ник снисходительно улыбнулся, кладя руки на ее плечи:

— Можешь считать, что мне просто стало ужасно любопытно, чем все это кончится. По идее, у всех хороших фантастов подобные твари рано или поздно вылезают из потустороннего мира, чтобы убить незадачливого владельца. Вот я заодно и проверю, насколько они правы.

— Это не шутки, Ник. Мне и, правда, страшно. Еще вчера я искренне верила, что психически здорова. Сегодня утром, — что это проделки моего воображения. А сейчас мне кажется, что волк — не просто случайность. Да и насчет переезда надо подумать. Родители будут против него, к тому же, мне не хочется тебя обременять.

— Не обременишь, можешь быть спокойна по этому поводу. Я только рад буду еще одному человеку в моем доме, кроме отражения в зеркале. А родители... Тебе ведь не десять и даже не пятнадцать. Ты давно совершеннолетняя, взрослая женщина. Так что у тебя есть полное право жить там, где хочешь.

— Хорошо, Ник, — Карина потянула носом, пытаясь хоть как-то продохнуть, — я позвоню тебе, если захочу погостить.

Парень неодобрительно скривился, но настаивать не стал. И на том спасибо. Проводив его до выхода, художница попыталась улыбнуться, но вместо прощального жеста рука просто мазнула воздух. Девушка лишь гулко шмыгнула носом, так и не сказав Нику: «До свидания». Дверь закрылась, словно отрезая ее от очередного кусочка жизни. В душе что-то тревожно зашевелилось, заворочалось холодным обломком гематита, еще не нагретым в теплых руках. А потом на плечи легла чья-то невесомая ладонь. Карина даже ойкнула от неожиданности, развернувшись на все сто восемьдесят градусов.

— И помни, ты все всегда можешь на меня положиться! — произнес друг, стоящий в проеме двери. И тут же шагнул назад, повернулся спиной и исчез вскоре за высоким забором дома.

— Возьму на заметку, — вяло заметила про себя художница, одновременно почувствовав, как холодный камень уже не жжет своим льдом ее внутренности.

Карина мрачно следила, как за окном хлещет по дорогам, деревьям и зданиям беспощадный дождь, неожиданно сильный и свирепый. Уже неделю она жила у Никиты, однако, вместо успокоения к ней все чаще приходила тревога. Рисунок на картине становился с каждым днем все отчетливее, все яснее. Волк завывал в ушах девушки все тоскливее. Пару раз она пробуждалась от кошмаров, а после целыми ночами читала книги. Но этой ночью ей не смогла помочь ни беллетристика, ни даже успокоительное.

И дело было вовсе не в том странном звере, что появлялся в этих кошмарах, громко рычал, кричал, словно зовя Карину. Просто на этот раз она пошла ему на встречу. И сердце ее было переполнено не страхом, а радостью. Девушка до сих пор видела свой сон в мельчайших подробностях. И мрачную поляну, усаженную кривыми соснами, и темноту, перемежающуюся с ярким блеском луны. И громадного, будто манящего своей мощью и силой хищника, казавшегося в серебряных лучах отчего-то золотым.

Она очнулась от собственных судорожных всхлипываний и долго не могла прейти в себя. Просторная кровать сделалась больше в разы, коридор — длиннее на километры. Девушка так и не поняла, как смогла, судорожно цепляясь за стены, добраться до комнаты Ника. Как смогла растолкать спящего парня. Он только сонно протер глаза, прежде чем включить настольную лампу и обеспокоено поинтересовался:

— Что с тобой?

— Я не могу больше жить... — неожиданно поняла художница, — Я не могу больше так жить. Если он не придет за мной, я так и останусь маленькой лягушкой, зарывшейся в тину собственной однообразной жизни. Мне нужно счастье, яркое, как осенние листья, ласковое, как солнце... Мне нужна свобода. Я видела ее, во сне.

— Погоди, тебе опять снилась эта тварь? — еще не совсем придя в себя, уточнил хозяин кафе. На этот раз Карина лишь слабо кивнула.

— Скажи, ты видишь хоть какие-то изменения на картине? Что ты чувствуешь, скажи? — зачистила она срывающимся голосом.

— Пожалуй, волк... стал четче, — попытался соврать Никита.

— Что, что в нем изменилось?

— Ну, краска стала темнее.

— Нет! — вскричала девушка, вскакивая с кровати друга, — Это все не то! Скажи честно, что ты ничего не видишь, что ты просто обманываешь меня, жалеешь меня. Никита, я схожу с ума? Я ненормальная? Признайся, пожалуйста.

— Тебе надо отдохнуть, — мрачно глядя на метания подруги, произнес парень.

— Я не хочу отдыхать! Я не устала! Мне не нужна еда, сон, мне нужно счастье... свобода, воздух. Я задыхаюсь от этой проклятой весны, она душит меня, она заставляет меня, словно какому-нибудь кроту зарыться в землю. Понимаешь, мне некуда деться от постоянного распорядка: подъем, завтрак, обед, ужин, прогулки, картины, книги, сон. Я хочу просто уйти от всего этого. Я хочу настоящего творчества, когда можно просто лить краску ведрами по настроению, когда можно сеяться от счастья, а не мило улыбаться в кулачок.

— Карина, это не нами придумано. В конце концов, тебя никто не заставляет заниматься пейзажами, ты можешь вполне стать абстракционисткой, или там, поступить в какой-нибудь кружок лепки. Займись, в конце концов, серьезной работой. Как говорит мой

отец: «Все глупые мысли от безделья», — и я с ним полностью согласен. Стоить тебе загрузить себя по самую макушку, и тебе станет совсем не до того, чтобы вести столь философские беседы: жить или не жить.

— Я думала, ты меня поймешь, — с горечью произнесла Карина, — Но, видимо, мне придется изменить свое мнение. Ты такой же, как и все. Ты можешь спокойно дышать, можешь находиться в своих условных рамках, держишься за них и боишься даже нос высунуть наружу. А может, просто не хочешь. Наверное, мне надо уехать.

— погоди, Карина, — Никита вынырнул из-под одеяла, хватая подругу в охапку, — Так дела не делаются. Во-первых, тебя никто отсюда не выгоняет. Во-вторых, если ты думаешь, что своим возвращением домой ты улучшишь положение, то глубоко ошибаешься. Если тебе пришлось долго доказывать мне, что рисунок на твоём произведении меняется, почему ты считаешь, что твоим родителям или еще кому-то это сделать будет проще? И ты не сможешь сейчас оставаться одна. Тебе нужен кто-то, кто хотя бы выслушает тебя. И тем более, я не говорил, что волк на картине не меняется. Другое дело, что я не вижу изменений, но, ведь, их видишь ты. Мое мнение: если один человек способен увидеть птицу в облаке, а другой нет, это не значит, что вообще нельзя увидеть ее там. Если кто-то искренне верит в Бога или дьявола — это его право. Я — нет. А, может, как раз наоборот — Бог есть и есть дьяволы, и ангелы с демонами. Я прошу тебя, Карина, подожди хотя бы пару дней, до выходных. Мне отчего-то кажется, что этот мир способен еще преподнести свои сюрпризы.

И она согласилась. Теперь ей ничего не оставалось, как сидеть на подоконнике, мрачно вглядываясь в горизонт, закрытый ливнем, словно полупрозрачной занавесью. Капли барабанили по стеклу, где-то бухал гром, небо прорезалось короткими ветвистыми молниями. Девушку совершенно не тянуло смотреть на все это. Из-под добротной деревянной, но довольно старой рамы нещадно дуло, и у Карины начала болеть спина. Однако, ей было не до подобных мелочей. Она предпочла бы заболеть, слечь. Ей хотелось, чтобы хоть что-то случилось, несчастье, боль, пусть даже смерть. Чтобы потом радоваться любому пустяку, чтобы потом молить всех высших, благодаря их в каждой строке молитвы. Но не сидеть здесь, глядя на серое небо, похожее на лицо усопшего, на мокрые дороги, по которым текут ручьи-слезы. Карина едва оторвала взгляд от простора за стеклом, с той же пустотой переведя его на пол. Возможно, Никита был прав в одном — ей надо что-то делать. Конечно, художница была совершенно не согласна, что все лишние мысли от безделья. Но сидеть целый день, таращась в одну точку, Карина не собиралась. Надо хоть с кем-то встретиться, поговорить на отвлеченные темы...

И девушка решительно встала с насиженного места, буквально за две минуты оделась, и, придерживая над головой зонт, поехала на окраину города. Где-то там, за сплошной пеленой дождя жила в старом многоэтажном домишке ее подруга — Зочка. И где-то там, возможно, ее ждало долгожданное облегчение.

Небо беспокойно затряслось, словно протестуя против такой наглости. Как это так, какой-то человечиска решил вылезти из своего укрытия и предстать пред разъяренными очами стихии.

— А вот так! — едва удержавшись, чтобы не показать язык строптивым небесам, хмыкнула художница, садясь в свою легковушку.

Дорога до двухкомнатной квартиры Зои заняла намного больше времени, чем обычно. Несмотря на то, что «дворники» бросались то влево, то вправо по стеклу, оно было постоянно залито водой. Вода хлюпала снаружи и, казалось, вот-вот прольется внутрь через

щели между частями кузова. Карина даже хотела повернуть обратно, залезть под одеяло в доме Никиты или, все бросив, ринуться к себе в мастерскую отделанную таким живым и светлым деревом.

Но стоило девушки представить, как тихо воет в ее голове волк, и художница с новой силой давила на педаль газа, пытаясь выжить из своей новой машинки максимум. Это была настоящая гонка через мокрые, грязные улицы. Девушке слышалось ясное дыхание преследовавшего ее зверя — громадного, с густой желтоватой шерстью. Остатки сна полностью выветрились из головы Карины, и теперь она видела в янтарных глазах хищника не мольбу или тоску, а насмешку над ней. Тучи в вышине кидались на землю электрическими разрядами, сиявшими, словно искры от шерстяной рубашки, резко снимаемой через голову. Лишь вместо треска все ближе слышался гром. Еще несколько километров автомобиль исправно петлял по дворам, а потом резко остановился рядом с кирпичной пятиэтажкой.

Под козырьком набилось около десятка человек, оказавшихся на улице в неподходящий момент или просто не пожелавшие более продолжать путь по глубоким лужам. Карина вбежала в знакомый подъезд, нервно складывая слишком тугой зонт. Противная штукавина словно легендарная птица-Феникс вновь и вновь раскрывалась в ее руках. Примерно через минуту девушка, пыхтя, все-таки победила «грибок», превратив его в более компактную трость.

Лифт, скрипя всеми своими частями, медленно раскрылся на первом этаже. Единственная целая лампочка разгоняла тьму внутри, но настроение затхлого склепа разрушить не могла. Пока художница плыла вверх на последний этаж, мозг ее напряженно работал, просчитывая все варианты разговора с Зоей. Ей нужен был хотя бы еще один свидетель того, что она не сошла с ума. Но говорить о странностях своей новой картины было никак нельзя. Девушка боялась любого приговора, который могла вынести подруга. Если Карина, и правда, видит волка среди листвы, обязательно должен быть кто-то, кто также его заметит. Правда, еще не известно, что страшнее: реальное существование волка или ее помешательство.

Зайти к Зое можно было в любое время дня и ночи. Она относилась к тем людям, у которых не только в работе, но и в жизни «скользящий график». И хотя ей стукнуло уже целых тридцать лет, Зоя оставалась настоящим ребенком, пытающимся старательно скрыться под маской взрослой. Может, поэтому, она с удовольствием работала с малышами, обучая их танцам. Карина пару раз была у нее в студии, наблюдала за тем, как эта женщина с роскошной фигурой ловко, даже шутя, управляет с непоседливыми мальчишками и девчонками. Потом к ней приходили высокие, словно растянутые искусственным путем вверх парни и девушки пятнадцати-семнадцати лет, и Зойка немедленно превращалась в такого же ершистого сорванца, как и они. Поэтому сейчас, стоя у дверей ее квартиры, Карина ни секунды не сомневалась, что подруга просто обязана увидеть волка.

После минутной трели звонка, дверь распахнулась, и будто ураган снес Карину в прихожую.

— Давай, давай, проходи! — без лишних приветствий начала с порога хозяйка, все еще обнимая гостью за плечи, — Как ты похудела, мать, я тебя в глазок и не узнала. Думала, скелет пришел с соседнего кладбища.

— Да уж не тоньше твоего Павлика буду, — стягивая сапог, пробормотала Карина, — Он, кстати, ходит еще?

— Ага, — Зоя немедленно унеслась в направлении кухни. Раздался характерный удар чайника о решетку газовой плиты, — Ты что будешь: чай или кофе?

— А еще варианты есть? — отлично зная подругу, вместо ответа уточнила гостья. Второй сапог с усилием соскочил с ноги, шаркнув каблуком по полу. Едва разогнувшись (все-таки сказалось долгое сидение на подоконнике), Карина прошла в просторную кухню аж с двумя телевизорами. Иногда девушку просто поражало, как можно, вообще, жить при постоянном шуме. Если Зоя не смотрела один из четырех своих телевизоров, то она либо включала музыкальный центр, либо допотопное, но еще живое радио. Вот и сейчас в кухне творилось настоящее Вавилонское столпотворение. Черно-белый «Панасоник» транслировал то ли первую, то ли двухсотую серию отечественного мыла. Цветной красавец под потолком с плоским экраном вещал о погоде в столице, а где-то далеко в спальне пела очередная звезда сцены. Как Зоя смогла услышать звонок в дверь уже было непонятным, а то, что она кромсала свежий рулет, слушала Карину и два телевизора, не сбиваясь при этом с мысли, совсем выходило за рамки человеческого понимания.

— Слушай, может, ты хоть один телевизор выключишь? Тебе-то все это звуковое сопровождение привычно, а вот я еще не доросла до уровня Юлия Цезаря, — заметила Карина.

— А, извини! — Зоя привычно схватила сразу два пульта с небольшой полочки над кухонным столом и, даже не целясь, заставила погаснуть оба источника звука. Прямо как заправский ковбой, — Что касается других вариантов, то могу предложить водку, пиво, коньяк, вино, мартини и несколько видов коктейлей. Но, судя по твоему виду, тебе нужен чистый спирт.

— Неужели все так плохо?

— Нет. Хуже. Опять весна?

— Весна, — усмехнулась гостья, — И все же, пожалуй, обойдусь без спирта. Я за рулем. А вот твой отвар на травах был бы очень кстати. Весна, Зоя — это самое страшное для меня время, причем чем дальше, тем страшнее.

— Это авитаминоз! — подняв палец вверх, изрекла подруга, — Так что тебе сейчас не мой отвар пойдет на пользу, а свежие овощи, фрукты и соки. Да, у меня есть твой любимый яблочный. Помнишь, из того сорта, как же его...

— Неважно, — покончила с умственными потугами Зои художница. Та тут же расслабилась, словно с нее сняли громадный груз. Только не хватало забивать себе голову всякими мелочами, — Я картину новую написала, хотела тебя в гости пригласить. Э... То есть к Нику в гости.

— Погоди, — осторожно раскладывая кусочки рулета на фарфоровую тарелочку, остановила Карину девушка, — Этот тот Ник, который кафе владеет? Такой красавец-мужчина, когда-то сидевший с тобой за одной партой.

— Он самый. Я к нему на время жить переехала. Нет-нет, это совершенно не то, о чем ты подумала.

Зоя усмехнулась, прищулив глаза. Но гостья замахала руками так честно, что она в конце концов выдала:

— Точно?

— Точно. Не спрашивай, зачем я это сделала. Но он пригласил, а я не отказалась. Насколько я помню, ты так не раз делала.

— Да, но в моем случае знакомство длилось всего неделю, так что я даже узнать его

толком не успела, не то что влюбиться. А вот ты, насколько я помню, довольно долго являешься тихой поклонницей этого самого Никиты. И после еще утверждаешь, что просто решила у него погостить.

— Ну, да. Он живет один, а мне необходимо было на время исчезнуть из дома, сменить обстановку. Вот он и предложил переехать к нему.

— И ты давно веришь в такую чушь? Держу пари, что твой бывший одноклассник сказал тебе что-то вроде: «Приезжай, а то мне надоело жить с одним человеком в зеркале!».

Карина почувствовала, как краска расплзается по ее лицу. Приблизительно так Никита и выразился. От того и доводы подруги выглядели еще убедительнее. Зоя с лентой опустилась на стул, поправляя ногтем сдвинувшийся кружочек рулета. Она принадлежала к числу тех существ (возможно, счастливых), которые никогда не воспринимали противоположный пол как причину для бессонницы и глупых поступков. Хотя временами казалось, что вот, наконец, нашелся достойный ее слез и переживаний юноша равно красивый как снаружи, так и внутри, но... Пару месяцев погуляв с таким вот «удачным порождением природы», поохав и поахав, Зоя молча уходила от него без объяснения причин. Один раз девушка даже решила отравиться, дабы сотворить из любви безответной более-менее ответную. Но, когда очередной властелин ее сердца отделался килограммом кислых апельсинов, принесенных в больницу, Зоя не долго думая, выкинула фрукты в помойное ведро и напрочь забыла о раненой душе. Уже через два дня она вышла на работу, а через месяц снова закрутила роман с новым соседом по площадке. Все проходило у этой женщины легко, словно сама жизнь была не более чем волшебным танцем, в котором всегда можно сделать любое движение а при желании и повторить его. Карина отчасти завидовала ей. Однако, она предпочла бы умереть с кем-то рядом, чем полчаса поплакать над свежей могилой. Художница воспринимала все серьезно, каждый раз решая если не вопросы жизни и смерти, то уж точно не играя ситуациями и людьми, как куклами в детстве.

— Ты уверена, что Ник настолько низок, как и остальные мужчины? — осторожно спросила Карина. Чайник на плите закипел, так что на несколько секунд все звуки кроме бульканья наливаемой в чашки воды смолкли.

— Слушай, Карин, а что, собственно такого необычного в твоём рестораторе, а? У него три руки или вместо мозга какая-то соединительная ткань, вроде крови? Если у него нормальная ориентация и хоть какая-то извилина в больших полушариях, то он просто обязан был тебя пригласить к себе. Потом поддержать, если надо — утешить. А там глупая безработная девка сама ляжет с ним. Это просто, как... заварить чай. Хотя, иногда встречаются и другие ситуации. Допустим, Ник, действительно, ценит тебя как сестру, боевую подругу, ну, то есть как что-то среднее между скульптурой и шваброй. Красивая, конечно, но пользы все же больше. Он решил тебе помочь, пригласил пожить. Все вроде нормально, гладко и с минимум пошлости. Но стоит тебе пару раз усесться завтракать в майке и спортивных шортах или ненароком обнять его, и все ваши дружеские отношения могут покатиться в тартарары.

— Зойка... А может, он правда, никаких видов на меня не имеет. Ты что, на каждого встречного поперечного смотришь как на свою потенциальную жертву? — не выдержала Карина, — И, вообще, я сейчас не слишком подходящий объект для домогательств.

— Ладно тебе. Остынь. Не все коты мартовские. Угу. Бывают еще и кастрированные.

— Зоя! Я серьезно, а ты... Дело сейчас не в Нике. Мы с ним дружим уже сто лет, и я не разу даже неприличной шуточки от него в мой адрес не слышала. Я тебе говорю о картине.

Когда ты сможешь приехать, посмотреть ее?

— Когда тебе будет угодно, — отставляя почти пустую кружку, зажевала отвар Зоя булочкой, — Ты же знаешь, я всегда свободна для новых впечатлений. Только мне не понятно, неужели ты из-за такой ерунды приехала сюда по такой скверной погоде? Учитывая, что последний раз я видела тебя на улице месяц назад, это не просто картина. Это должно быть что-то или очень красивое, что тебе самой нравится до обморока. Либо... что-то с тобой не так, и ты решила поговорить со мной в более комфортной обстановке. Ну?

— Ни то, ни другое. Мне просто надо знать твое мнение о моей работе, не более того. Просто у нас с Ником мнения разошлись, вот я и хочу проверить, кто из нас прав. Пока ничего подробнее пояснять не буду, и не проси. Иначе честного судейства просто не выйдет.

— Значит, я буду судьей? Отлично. Парикмахером я была, в школе преподавала, в дворниках неделю проходила. А вот судьей никогда быть не доводилось. Думаю, стоит попробовать.

— Вот и отлично, — улыбнулась Карина, — Тогда жду тебя завтра, примерно к часу дня. Согласна?

— Так точно, — Зоя не менее бодро проводила гостью, чем встретила. Художница не просто смогла заинтриговать ее. Теперь той оставалось лишь строить догадки, да дожидаться завтрашнего дня, включив все свои телевизоры.

Карина покинула квартиру Зои не то чтобы с облегчением, скорее с чувством выполненного долга перед собой. Нет ничего страшнее ожидания, тем более, когда еще не известно, собственно, чего именно надо ожидать. Девушка попыталась сосредоточиться на облупленной стене подъезда, словно ища в ней что-то необыкновенное, словно в далекой полоске туманного горизонта или в игре лучей на чьем-то лице. Ей совершенно не хотелось сейчас думать о картине, о волке, о завтрашнем приеме у Никиты дома. Карина молча осматривала каждый сантиметр голубых перил, следила глазами за трещинками на разбитом стекле, от которого осталась лишь треть. Отсутствующие две трети местные жильцы неумело, зато крепко заделали громадным куском фанеры, так что теперь пробираться вниз приходилось в полутьме даже в яркий солнечный день. Несколько живописно валяющихся окурков двухцветными трупиками сигарет разлагались пеплом перед мусоропроводом. В общем, подъезд, в котором жила Зоя ничем не отличался от сотен таких же обшарпанных соседей, напоминающих пропойц, из-за дружбы с бутылкой и жгучей к ней любви превратившихся в стариков раньше времени.

— Тетенька, — неожиданно кто-то дернул художницу за рукав, — Это не ваше?

Карина обернулась на звук мальчишеского голоса и едва не обмерла. Паренек едва доставал ей до плеча, толстовка с капюшоном висела на подростке мешком, штаны едва удерживала одинокая заклепка и потертый ремень. Чумазое лицо его «украшал» уже начинающий рассасываться, а потому окрашенные в зелено-желтые тона синяк. В руках он держал золотую цепочку с малюсенькой подвеской в виде подковы. Талисман на счастье нелепо сверкал всеми оттенками белого и желтого на вымазанной то ли сажей, то ли грязью ладошке.

— Кажется, у вас цепочка порвалась, и упала. Я хотел было вас догнать сразу, но вы уже в квартиру вошли.

— Ты... — Карина на мгновение замолкла, с жалостью пробегая от дырявых кроссовок к вихрастой макушке глазами, — Где живешь?

— Да тут, — бесхитростно махнул мальчишка куда-то в сторону гаражей, установленных во дворе дома, — в сарае. Но это пока, потом я денег накоплю и обязательно себе дом куплю. А зачем вы спрашиваете?

В голубых глазах оборванца мелькнуло недоверие. Он был еще слишком молод, чтобы окончательно зачерстветь душой. Слишком мал, чтобы оставить глупые мечты. Но слишком беден, чтобы не смотреть сейчас на Карину глазами загнанной в угол крысы, пойманной на воровстве сыра и готовой броситься на не вовремя подоспевшего кота, у которого в миске есть сметана, а в поилке — сливочки. Художница почувствовала себя так противно, как никогда раньше. Ей стало стыдно за себя, за то, как она богато одета, что она сыта, что у нее есть крыша над головой. Не какая-нибудь протекающая дощатая, а черепичная, в красивом двухэтажном доме. Она сейчас же опустила взгляд, пробормотав:

— Ничего.

— Так это ваша цепочка? — не отстал мальчишка. Карине очень захотелось ответить: «Нет!», — но она только тихо пробормотала:

— Да, это моя. Спасибо тебе, что нашел. Вот тебе, — художница немедленно полезла в сумку, достала кошелек, дрожащими пальцами выуживая из него две купюры, — За честность.

— Обижаете! — отшатнулся от денег, как от раскаленной печи оборванец, — Если вы думаете, что, если у меня нет сейчас дома и выгляжу я не лучше помойного пса, так и совесть могу продать?!

— Прости, я не хотела, — окончательно смешавшись, почти прошептала девушка, — Тогда хотя бы скажи, как зовут такого замечательного парня?

— Кузьма, — все еще мрачно отозвался спаситель украшения, но в его голосе уже начинающем потихоньку ломаться были слышны довольные нотки.

— Кузя?! — удивленно переспросила девушка, даже краска к лицу перестала приливать от удивления, — Слушай, имя-то какое классное!

— Имя, как имя, — пожал плечами мальчишка, — Ну, так, вы цепочку брать будете или нет?

Карина молча приняла из рук паренька свой браслет. Кузя моментально повернулся к ней спиной, стараясь как можно быстрее покончить с неприятным делом. Девушка годилась бы ему в старшие сестры, но между ними лежала пропасть. И он отлично понимал, что эту богатую растеряху вовсе не волновало ни его имя, ни то, ел он сегодня или нет. Судя по тому, как она отнеслась к золотой бирюльке, подобных вещей у нее было не на одну шкатулку. Кузьма давно привык к своему положению и временами даже гордился тем, что стоит как бы против общества. Родители его погибли еще когда мальчику было около десяти лет, оставшиеся родственники не пожелали забрать его к себе.

Однако, через год объявилась двоюродная тетка, которая чудом и невероятным актерским талантом смогла уговорить органы опеки отдать им племянника. Но в доме у тетки, в глухом селе, где половина жителей пила, а вторая половина или уже состарилась, или еще не выросла, чтобы пить, житье стало еще хуже, чем в детском доме. Бить мальчишку не били, но и радости было мало. Тетка забывала о нем, а если и вспоминала так только для того, чтобы погнать во двор — наколоть двор или помочь ей накормить скотину. В доме никогда не было даже лишнего куса хлеба, а уж когда у тетушки появился воздыхатель, мальчишку вовсе выгнали за ворота. Сначала намекая на то, что такому мальцу нечего чужие разговоры слушать, а потом и вовсе родственница объявила: «Лучше б ты вместе с

родителями помер, а то все шляешься по дому, мешаешься. Чтобы днем тут и не появлялся!». Кузьма и не появлялся. Сначала целыми днями ходил по деревне, потом и по ночам.

А полтора года назад и вовсе решил убежать в город. Кое-как добрался «зайцем» на электричке, перетрясся, помниться тогда едва ли не до обморока. Город встретил его высоченными домами, еще большим голодом и неустроенностью. Попавшиеся на пути бездомные приняли его, как родного. Да только за подобную благотворительность мальчишке приходилось таскать продукты с прилавков, а потом и вовсе кошельки и сумки.

Да только на сей раз Кузьму что-то как по затылку тюкнуло, и вместо того, чтобы схватить цепочку и удрать с ней, он поднялся вместе с ее хозяйкой почти под самую крышу, около часа просидел под дверью чужой квартиры, а теперь чувствовал себя оплеванным с ног до головы.

— Погоди! — теперь уже художница придержала паренька за рукав, — Я не могу тебя просто так отпустить. Мне в жизни не часто такие люди, как ты попадаются.

«Да уж не удивительно. Не пристало богатеньким цыпочкам с помойкой рядом стоять!» — подумал про себя Кузя, резко выдергивая свою руку из цепкого захвата тонких пальчиков. Старая толстовка не только не защитила его от тепла этих самых пальцев, но даже, будто придала им еще большей теплоты. По позвоночнику прошла странная сладковатая дрожь, как от чего-то забытого, но любимого им с детства. Девушка не стала настаивать, по инерции поглаживая оборванца по предплечью. Тетка никогда не ласкала его, даже наоборот, старалась как можно меньше касаться его кожи, щедро раздавая подзатыльники. Возможно, будь она родной сестрой отца или матери, все было бы иначе. Хотя и в это Кузя не слишком-то верил.

— Что вам от меня надо?

— Я понимаю, что тебе не приятно подобное обращение. Но мне бы хотелось... пригласить тебя в гости. Да. Считай, что я приглашаю тебя в гости.

— Зачем вам все это? — неожиданно серьезно задал вопрос паренек. Карина задумчиво вздохнула, пытаясь подобрать менее ранящие самолюбие мальчика слова. В конце концов, не говорить же ему, что ей просто стало его жалко? Еще обидится и тогда точно не удастся затащить подростка к Никите домой. А просвечивающиеся, казалось, даже через несколько слоев одежды ребра и позвоночник, не слишком устраивали художницу. Кузьма ждал ответа, глядя на нее и стараясь не пропустить ни одного дрожания мускула, ни одного поворота головы. Нет, все-таки придется сказать правду...

— Мне жалко таких, как ты. Мне жалко, что наше общество может быть настолько равнодушным, что появляются на улицах бездомные, что талантливые и добрые люди становятся изгоями для таких, как я. Возможно, ты считаешь мой жест неискренним, но... на твоем месте я бы не стала возвращать цепочку. Это не важно, где ты находишься — наверху лестницы или внизу, как много ты видел и знаешь. И там и там найдутся свои герои и свои предатели. К тому же, я художница, а у тебя очень интересная внешность.

Карина не собиралась говорить последнего, но фраза вырвалась помимо воли. В конце концов, что странного в том, что мальчишка ей просто понравился с чисто эстетической точки зрения? Пока девушка смотрела на Кузю, воображение ее уже прикидывало, как мог бы падать свет на его портрете, во что он должен быть одет, вырисовывая перед ней мельчайшие детали. Вообще, у всех профессионалов, в любом деле имеется не то чтобы привычка, скорее рефлекс немедленно рассматривать обыкновенные вещи с точки зрения их профессии. Врач всегда найдет по одному цвету лица или даже по походке человека, какие

органы у того нездоровы. Механик немедленно разберет в уме любое устройство на винтики. Карина же, почти всю свою жизнь посвятившая картинам, краскам, оттенкам и их сочетаниям, пропорциям, пейзажам и всему остальному, связанному с красотой мира, не могла не обнаружить в мальчишке этой самой красоты. Глубокие, светлые глаза придавали ему выражение практически ангельское, однако резкие черты лица, встопорщенные темные волосы и совсем не по детски сдвинутые брови могли и без всяких царапин и изношенной одежды свидетельствовать о непростой жизни оборванца.

— Да? — скептически хмыкнул Кузя, — И чем же она интересна: синяком под глазом или грязью на челюсти?

— Хочешь меня обидеть? Что ж, это твое право, — с горечью вывела Карина, без лишних слов, садясь на неубранную ступеньку и пачкая свою светлую куртку, — Но у тебя правильные черты лица, прямой нос, красивые брови, да и вообще, форма лица топориком.

— Скажите еще «тяпкой»! — фыркнул оборванец.

— Нет, «тяпкой» — это у меня спросонья. А топориком, значит с высокими скулами и несколько суженной нижней частью лица. Есть лица круглые, когда и подбородок широкий и скулы не так ярко выражены, а тут лицо овальное, но не слишком вытянутое. Честно говоря, это мой любимый тип лица.

— «Топориком» — засмеялся паренек, незаметно для себя усаживаясь рядом с Кариной, — Ладно, так уж и быть — буду вашим дорогим гостем!

— Не вашим, только, а твоим. Карина, — протянула художница руку. Кузьма некоторое время тарачился на протянутую ладонь, совершенно не понимая, как такая особа не побоялась тронуть его грязную кисть, на которой толпами носились все множащиеся бактерии и микробы. Однако, от рукопожатия не отказался, еще больше удивляясь тому, что после него девушка не стала доставать платок, дабы оттереть пальцы.

Карина подумала о том, как отнесется Никита к ее поступку лишь у входной двери. И лишь потому, что та оказалась заперта изнутри. Пока девушка ехала в машине, перекидываясь ничего не значащими фразами с новым знакомым, ей было как-то не до того. А вот сейчас, когда дрожащие пальцы нащаривали кнопку звонка, стало не по себе. Мало того, что сама навязалась к другу в гости (хотя Никита первый предложил пожить у него, но этого Карина не вспомнила), так еще и какого-то бродягу приволокла к нему в квартиру. По идее ничто не мешало ей поехать к себе домой, но отчего-то художница предпочла отправиться именно к Нику. И теперь искренне об этом жалела.

Особенно, когда дверь все-таки распахнулась, и на пороге обнаружился дошедший до нервного тика друг:

— Ну и где тебя носило? — спокойным до дрожи в коленках голосом спросил ресторатор.

— Я к Зое ездила. Помнишь, я тебе о ней рассказывала...

— А записку ты не могла оставить? Я приезжаю с работы за ключами от склада, а тебя нет дома, машина тоже пропала. Что я мог подумать? Мало ли что тебе в голову взбредет. Ума хватит и с моста сброситься. Учитывая, что ты мне вчера наговорила. Ты хоть понимаешь, как я волновался?!

— Не-а, — честно мотнула головой художница. Никита не злился, а искренне переживал за нее. Карина отметила это про себя, поставив парню еще один плюсик в общей характеристике. А заодно и себе, что заставила этот самый плюсик выявить. Да уж, такова дурацкая женская натура, что уж поделаешь? Правда, на смену страху пришел не менее жуткий стыд. Тишину между друзьями нарушил маячивший до сего момента за спиной Карины мальчишка:

— Зрассьте.

— Привет, — без всякого выражения ответил Никита, продолжая прожигать взглядом подругу, — Это кто?

— А... это Кузя. Он мне сегодня здорово помог. Может,пустишь, а?

— Конечно, — отстранился от косяка парень, — Но ты должна мне все объяснить: зачем помчалась к Зое, и где откопало это чучело огородное.

— Он не чучело, — встала на защиту оборванца девушка, — Он моя новая художественная находка. Я собираюсь рисовать его портрет.

— Ага. И когда к тебе пришло сие гениальное решение? — в голосе Никиты ясно читался сарказм. Карина расстегивала шнурок на ботинке, поэтому не сразу ответила:

— Как нашла, так и решила. И вообще, если тебе не нравится моя идея, я могу спокойно вернуться к себе в мастерскую и больше тебе не мешать. Я и так тебе целую неделю жизни испоганила.

— Иди сюда, — друг подхватил ее под локоть, вталкивая в небольшое пространство кухни, — Еще раз ляпнешь что-нибудь подобное — и я лично возьмусь за ремень, глупая девка. Думаешь, приглашая тебя к себе я не думал о том, чем это может кончиться? Да ты похожа была на шизофреничку, на свихнувшуюся. Считаешь, что испоганила неделю моей жизни, но это не так. Было бы гораздо хуже, если бы ты и, правда, с ума сошла, сидя у себя дома. Неужели до тебя еще не дошло, что я все сделаю, чтобы помочь? И против этого, —

кивок в сторону коридора, — «натурщика» я тоже ничего не имею. Возможно, новая работа отвлечет тебя от глупостей.

— Простите, что помещал вам выяснять отношения, но очень уж есть хочется! — в кухню, подобно речному угрею, просочился Кузя. Ребята слаженно повернули головы, с удивлением воззрившись на мальчишку и даже пропуская мимо ушей его реплику.

— Как тебя зовут? — первым вышел из ступора Ник.

— Кузьма.

— Вот что, Кузьма. Прежде чем садиться за стол, сходи-ка ты в ванну. Я пока поищу тебе свежие вещи. Надеюсь, со санузлом ты знаком, а то времени учить тебя у меня нет, — с ухмылкой добавил парень. Кузя не менее едко фыркнул, всем своим видом показывая, что и сам отлично справиться, через секунду исчезая в коридоре. Ресторатор проводил его взглядом, обернувшись к Карине:

— Ну, теперь рассказывай, дорогая, как ты до такой жизни докатилась.

Примерно полчаса заняли у Карины на то, чтобы выложить парню все события сегодняшнего утра. Он внимательно слушал, не перебивая, и сосредоточено разбивая одно за другим яйца для омлета. Дабы дело с приготовлением обеда пошло быстрее, художница принялась нарезать зелень. Глядя на это зрелище Никита мрачнел, но нож так и не отобрал. Он и один смог бы управиться, но девушка настолько напоминала сейчас ребенка, что обижать ее недоверием было бы просто непростительно. Вообще, Карина еще с первых дней их знакомства в школе казалось Нику кем-то вроде хрупкой хрустальной розы, которую так и хочется поставить на солнце, чтобы она засверкала радужными бликами, и в то же время ее даже боязно взять в руки. Девушка могла расколоться, сломаться, разлететься вдребезги от одного неосторожного слова, поэтому с ней Никита предпочитал быть шутком, вечно веселым парнем, которого нельзя воспринимать всерьез. Когда же он терял над собой контроль и начинал твердо говорить ей о чем-то, учить ее, переживать за подругу, у хрустальной розы обнаруживались железные шипы. И только потом Никита понял, что при этом хрусталь начинал трескаться.

Девушка ко всему относилась слишком серьезно, кропотливо выкапывая в себе новые недостатки, а в жизни очередное подтверждение несправедливости. Нет ничего хуже пессимиста, в глубине души надеющегося на чудо! Любая обида в нем отражается стократно, любая боль становится невыносимой. Такие люди обожают выдумывать себе несуществующие мучения, играть роль страдальцев лишь для того, чтобы им в который раз показали на свет в конце тоннеля. Вот и историю с волком Никита воспринимал не иначе, как очередное «фальшивое» страдание. И раз подруга приволокла в дом Кузю, значит, скоро ему придет конец. Главное, ни жестом, ни фразой не напоминать о хищнике, контуры которого так отчетливо видны были на картине.

— М-да. Все это конечно хорошо, но что ты намерена делать дальше? Ты хоть что-нибудь узнала о нем?

— Кузя мало говорит. Я поняла только, что жить ему негде. Родных тоже нет. Так что... может, он пару дней тут побудет? — осторожно протянула девушка и тут же затараторила, — А я пока постараюсь узнать побольше. Может, надо сообщить в органы опеки или там еще куда... Так нельзя оставлять. Как ты думаешь?

— Конечно, выставять его обратно никто не собирается. Он же не котенок редкого окраса, у которого оказалось слишком много шерсти. Моя мать всегда говорила, что нельзя доверять трем типам людей: торговцам, политикам и нищим. Ты говоришь, что он сам отдал

тебе цепочку, так? — художница утвердительно кивнула, — Так. Одно это доказывает, что у парня есть совесть и остатки душевного тепла. Хотя... может, это часть хитрого плана? А на самом деле он хочет нас ночью зарезать и вынести из квартиры не только твое золотишко, но и мой музыкальный центр?

Ник вопросительно вскинул брови. Задумавшаяся подруга несколько секунд тупо смотрела на него, а потом всплеснула руками:

— Да ну тебя! — пожевала губу и повторила, — Так нельзя оставлять. Надо подыскать ему интернат. Или приемную семью... не знаю...

Девушка привела домой Кузю лишь из большого чувства страдания, но вот что делать дальше даже не подумала.

— Давай сюда зелень, — решительно перевел тему разговора Никита, уже жалея, что вообще заикнулся об этом. Вот сейчас подруга снова начнет судорожно выискивать в голове варианты, куда бы отправить мальчика, начнет паниковать. Нельзя творческие натуры нагружать бытом, ой, нельзя. Во-первых, те зачастую не слишком им интересуются, а потому в нем и не разбираются. А во-вторых, это заставляет их немедленно покинуть мир идей и фантазий, спустившись на неприветливую землю, которая и страшнее, и непригляднее, — Я сам займусь этим вопросом.

— Было бы неплохо, — согласилась девушка, — Ник?

— А?

— Спасибо тебе за все, — Карина улыбнулась, помогая сгрузить на скороду зелень. Раскаленная посуда заворчала, стрельнув маслом в лицо художнице, — Ой!

— Больно? — участливо подхватывая разделочную доску и поворачивая лицо подруги к окну, поинтересовался Ник, — Не надо тебе было лезть, горе ты мое луковое.

— Ничего страшного, — скрепя сердце, ответила Карина. Еще пара сантиметров, и она могла остаться без глаза.

— Ага, — раздался издевательски-понимающий голосок Кузи за спиной у приятелей, — Понятно. Ладно, не буду мешать двум голубкам.

— Ну, уж нет! — досадливо поморщился Никита, — садись есть, раз просил. И вообще, ты разве у нас клювы видишь? Или, может быть крылья?

— Прошу прощения, — пошел пацан на попятную. Карина-то не видела выражения лица ресторатора, а вот Кузя и без слов понял, что лучше сейчас скромненько плюхнуться на стул, иначе можно потом отгрести по полной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Никита едва удержался от того, чтобы не ляпнуть: «Мы просто друзья», — однако вовремя сообразил, что подобное больше смахивает на нелепое оправдание, а не на опровержение. Для него Карина, действительно, была лишь другом. Но Никита знал: раньше девушка была к нему равнодушна, и смущать ее не хотелось. Художница оказалась не столь проницательна, рявкнув за Ника:

— И нечего так смотреть! Ник всего лишь мой друг.

— Да я уже понял, — стараясь не расхохотаться, произнес Кузя.

«Угу... и видимо это или пока, или уже».

Дальнейший час прошел в молчании, изредка нарушаемом грохотом вилок и ножей, да звоном стаканов. Только сейчас Карина поняла, насколько хочет есть. Утренний чай с рулетом вычерпал лишь маленькую капельку из большого колодца ее голода. Последние дни девушка толком не ела и вот теперь, едва ли не мурлыкала от удовольствия, наслаждаясь

каждым кусочком.

— Ну все, Ник, с тебя вечер в кафе, — хохотнула она, — А то я, кажется, так до конца жизни и не смогу попробовать твои шедевры.

— Можешь поехать со мной хоть сейчас, — уже ленивее отколупывая от омлета корочку, предложил парень.

— Э, не! Я так не играю. Мне можно приехать к тебе в любой день, заказать что-нибудь, потом оплатить заказ, как всем остальным твоим клиентом. А мне нужно именно твое предложение.

— Может еще и ужин при свечах? — не удержался от замечания Кузьма. Он-то давно все поглотал по старой бедняцкой привычке. В его окружении не принято было устраивать китайских церемоний с едой. Есть пища, надо как можно быстрее набить пузо, пока не пришел кто сильнее и старше и не отобрал у тебя вожаемый кусок.

— А что? — поддержал оборванца Ник, — Если свет отключат, придется при свечах лопать!

— Ребят, ну я же серьезно, — обиделась на парней Карина, — Между прочим, еще никто меня в кафе не приглашал. А мне, как творческому человеку просто необходимы новые впечатления. Да и от халявы я бы не отказалась...

Теперь уже засмеялись все трое. Когда с обедом было покончено, а посуду распихали по полочкам посудомоечной машины, Никита попрощался со своими гостями и уехал на работу, Карина потянула мальчишку к себе в комнату:

— Пойдем, я тебе покажу мои работы, — не принимая никаких возражений, художница вцепилась в Кузьму почище пса в кость. Паренек особенно возражать не стал, с восхищением и некоторой осторожностью рассматривая громадные полотна в рамах, палитру в пятнах краски и кучу кисточек в высоком стакане, — К сожалению, я не смогу тебе все показать, основная часть картин у меня остались в мастерской. Но я перевезла сюда самые лучшие. Вот, например, эта, как тебе?

Оборванец, выглядевший в спортивном костюме Ника теперь совершенно иначе, с некоторым сомнением воззрился на милое изображение реки на рассвете. Потом перевел взгляд на другое произведение и неожиданно произнес:

— Ты, конечно, очень хорошо рисуешь. Я видел работы Шишкина, очень похоже. Ты правда талантливая, но понимаешь, слишком твои картины... правильные.

— В смысле? — улыбку с лица девушки как будто сдуло.

— Все на них такое красиво, замечательное, правильное. Даже на землю и не похоже, скорее на рай какой-то. А жизнь, она ведь, совсем другая.

— Понимаю, — грустно кивнула Карина, но тут же попыталась возразить, — Но ведь в том и вся прелесть искусства: пытаться даже в самом неказистом выделить что-то особенное, оригинальное, красивое. Уродство, подлость и так видны нам каждый день.

— Возможно, — не стал настаивать Кузьма, — Только вот скажу тебе другое. Человек ко всему привыкает. Если его каждый день будут таскать в свинарник, он притерпится к запаху, перестанет его замечать. Так постепенно люди привыкают к жестокости, бедности, убийствам. Не стоит окончательно закрывать на это все глаза. Как и превращать картины в плакаты по борьбе с курением. Знаешь, такие, на которых обычно изображены несчастные легкие, черные от дыма. Вот этот пейзаж, он... отвлекает. Когда я у тетки жил, у нее в доме календарь висел. Восемдесят третьего, что ли, года. Мне он очень нравился. Я его листал, смотрел на изображение всяких городов и думал, что однажды я там побываю. Я

придумывал всякие истории. Вот я сажусь в поезд, еду в одно место, в другое. Там у меня всякие встречи с друзьями, и дом, и можно пройтись по аллее или постоять рядом с фонтаном. И там было хорошо. Но рано или поздно приходила тетка и приходилось вешать календарь на место.

— Слушай, Кузьма, сколько тебе лет? — неожиданно спросила Карина. Ей и на ум не могло придти, что в голове у этого худого подростка, едва доросшего ей до плеча, могут быть такие мысли.

— Почти четырнадцать, а что?

— Просто рассуждения у тебя слишком уж...

— Взрослые, — фыркнул мальчишка, — А ты поживи полтора года в переходе, может, тоже то же повзрослеешь! А то ведешь себя, как ребенок, честное слово.

— Почему это? — обиделась девушка.

— Потому что реагируешь на все, как ребенок. Потому что смотришь на меня, как ребенок. Даже твой друг и тот оказался умнее. А ты: «Он мне только друг!», — уперев руки в бока, передразнил мальчишка, — Если ты так будешь дальше откровенничать, как брехливый щенок, никогда в этом волчьем мире не выживешь.

— Волк... — Кузя с удивлением уставился на ненормальную художницу, которая с проворностью белки кинулась куда-то по коридору в дальнюю комнату, через минуту таща на себе громадный прямоугольник очередного шедевра.

— Помочь? — осторожно сгружая картину на кровать, поинтересовался он, но Карина отрицательно завертела головой:

— Лучше скажи мне, если увидишь на ней что-нибудь странное.

— А что именно я должен увидеть? — помогая распеленать «Осень», уточнил Кузьма.

— Извини, но сказать тебе я этого не могу.

— Ну, хорошо...

Девушка последним рывком отбросила краешек брезента, во всей красоте и великолепии открывая свое произведение. В левом углу, словно издеваясь над ней, сидел почти серый волчара. Правда, теперь он скалился не злобно, а будто ухмылялся. С последнего осмотра зверь еще больше выделился на золотом фоне, став уродливым пятном случайно пролитого кофе.

— Это ты сама придумала? — через минуту донесся до художницы голос подростка, — Боюсь, этот волк не совсем тут уместен. Но если тебе так нравится...

— Ты тоже его видишь?! — обрадовано заорала Карина прямо в ухо Кузе. Оборванец аж на месте подскочил, потряхивая головой, словно к нему клещ присосался, — Говори, какой он, быстрее!

— Какой-какой: серо-желтый, оскаленный и страшный. А ты ненормальная — так орать.

— Прости... — девушка почувствовала, как на глаза наворачиваются счастливые слезы. Однако, теперь становилось совершенно непонятно, почему того, что видит она и Кузя, не замечает Никита?

«Как бы то ни было, теперь меня уже никто не назовет шизофреничкой! И пусть Ник больше не переживает за меня, я сейчас же соберу вещи и уеду!».

— Кузенька, ты правда видишь волка из переплетения листьев, правда? — на всякий случай елейным голоском уточнила Карина.

— Правда. Я не помню, что в этом такого?

— Это покажется бредом, но раньше его здесь не было. Он появился несколько дней назад, когда я кончила картину. Сначала это была обычная игра воображения, и волк больше смахивал на собаку. Но через некоторое время он стал проявляться все отчетливее. Такое ощущение, будто часть краски изменяет оттенок независимо от остального полотна.

— Интересно, — паренек осторожно коснулся очертаний хищника. Карине, неотрывно смотрящей на него вдруг показалось, будто зверь изогнулся, пытаясь куснуть мальчишку, но через секунду видение пропало.

— Вот черт, — Кузя отдернул руку, отсасывая кровь из раненого пальца, — Занозу вогнал.

— Наверное, рама не совсем хорошо отполирована, — предположила художница, по-матерински осматривая поврежденную фалангу. Маленькая красная точка набухла кровавой каплей. Карина с досадой хотела уже побежать на кухню за ватой, но мальчишка беззаботно махнул здоровой рукой, мол, само заживет. И действительно, буквально через несколько минут ранка затянулась гранатовым сгустком, а через час даже пульсация в пальце стихла. словно громадный зверь поворчал-поворчал, да и уснул у себя в логове.

Она не могла большей идти вперед, ноги словно перестали гнуться в суставах, а голова шла кругом от густого духа прелой листвы. Но этого просто быть не могло: сейчас же весна, весна, а не осень! Однако, как не внушала это себе девушка, пытаясь перекрыть неистовый вой ветра в кронах деревьев, поверить этому не могла.

— *Погоди, стой, Карина! — первым ей под ноги бросился Ник, но художница лишь грубо оттолкнула его от себя. Друг с каким-то свистящим хрипом пролетел над землей несколько метров и затих. Она на мгновение остановилась, не веря своим глазам. Но волчье зрение не может обмануть, выписывая все, до последней жилки в почти кремневой тьме, разбавляемой лишь редкими лучами луны. Почему же здесь ночь? Почему здесь постоянно ночь?*

Карина в последний раз с сожалением обернулась на Ника, который даже не пытался подняться. Ей стало совершенно все равно, жив ли он или нет. Потому что впереди, сидя на холмике и подняв морду был громадный, словно вылитый из золота волчара. И девушка изо всех сил спешила к нему. Ей было тяжело, голые ступни вязли в опаде, цеплялись за руки ветви. Следом за парнем к ней поспешили Зоя, родители, но и их Карина с неумолимостью настоящего хищника расшвыряла в стороны, словно люди были не тяжелее бумажных кукол. Художница чувствовала, что может сейчас свернуть шею любому, кто попытается помешать ей пройти хотя бы метр вперед. А зверь на холме не переставая, вновь и вновь выводил новый аккорд своей песни.

— *Помоги мне! — то ли закричала, то ли просто подумала художница, — Ты должен мне помочь, сделай хоть шаг навстречу!*

— *Я уже иду, девочка... не бойся, скоро ты сменишь цвет, скоро ты станешь свободной...*

Карина так и не поняла, когда проснулась: после того, как волк сделал первый шаг с возвышенности, или когда она уже обессиленная повалилась рядом с едва заметной звериной тропой. Одно было ясно — девушка опять кричала во сне.

— Что? Что опять приснилось? — в тусклом свете ночника отчетливо обрисовались очертания лица Ника. Живого, с целой грудной клеткой, не пробитой ее кулаком. Скорее от

облегчения, что парень цел и невредим, чем от страха, девушка расплакалась, — Перестань, все хорошо.

— Никита, помнишь, ты говорил, что у всех фантастов... у них монстры вылезают в этот мир и убивают своих владельцев. Кажется, меня тоже скоро убьют...

— Не говори ерунды! — мрачно буркнул ресторатор, зарываясь носом в волосы подруги и тут же с омерзением отодвинув ее от себя, — От тебя псиной пахнет.

Одним из признаков наличия мудрости является способность человека вовремя придержать язык за зубами. Но на сей раз Никита был настолько ошеломлен своим открытием, что не сдержался, с досадой закусив губу. Кажущиеся почти карими золотистые глаза Карины глянули на него с ужасом, а рука подруги до хруста сжала его ладонь.

— Хотя, погоди, — жалкая попытка смягчить положение, — это не шерсть, это просто дождь. Да, от тебя пахнет сыростью. Конечно, как я мог забыть, что у тебя не зонтик — а просто шедевр упрямства! Опять ты его едва раскрыла, правда?

— Да, — почти на автомате ответила девушка. Ник облегченно вздохнул, хотя самому впору было закатывать истерику. Что же, в конце концов, происходит? Еще пару часов назад, когда они с подругой желали друг другу спокойной ночи, он мог поклясться, что от нее пахло только шампунем и каким-то приторным мылом. А сейчас парень чувствовал только запах мокрой собачьей шерсти и еще один, совершенно сейчас не уместный. Запах леса, холодного осеннего леса. Он даже попытался ущипнуть себя за ухо, будто бы небрежно отводя от лица прядку волос. Не помогло. От Карины по-прежнему удушливо разило псиной.

— Надо что-то сделать с ним... — задумчиво проговорил парень, старательно делая вид, что полностью поглощен мыслями о зонте, — А лучше, давай завтра новый купим, а?

— Давай, — пожала плечами Карина. Ее до сих пор трясло крупной дрожью, словно девушка стояла на ледяном ветру. Стоило только Никите произнести слово «псиная», как сладостная реальность перестала быть столь упоительной. Будто сон не кончился, а сменился на новый. Но нет... Ник ошибся, перепутал. Конечно, во всем виновата сырость. Хорошо, так и надо. И разум с облегчением схватился за последнюю фразу друга.

«Да, — мысленно повторяла про себя Карина, пока ресторатор с жаром описывал, в какие магазины они могут завтра отправиться и что могут купить, — Это всего лишь дождь, так всегда пахнет одежда и волосы, если промокнул. И волки здесь совершенно не при чем».

Утром Карина едва разлепила веки, тревожно вглядываясь по сторонам. Солнечные лучи нагло расположились на ее подушке, одеяле и открытых руках, словно она была их собственностью. Однако сон мгновенно убежал, стоило девушке повернуть голову. Спинной к ней, уткнувшись в какую-то книгу сидел Кузьма.

— Что читаешь? — хриловатый спросонья шепот художницы заставил оборванца подскочить на месте и нервно обернуться.

— А... Какой-то классик. Хм...

— И во сколько же он поднял тебя, чтобы ты следил за мной? — догадалась Карина. Вид у мальчишки был помятый, рот измазан не то шоколадом, не то вареньем, а правая рука так и не разжалась, прижимая к коленям толстый плед.

— Никто меня не поднимал, я сам пришел. Но если ты против моего присутствия, могу и уйти. И, вообще, я всего на полчаса к тебе заскочил, здесь освещение лучше. У меня в комнате ведь окна западные...

— Угу, а у меня южные, — в том Кузе протянула Карина. Паренек смущенно кашлянул, переводя взгляд куда-то в район занавесок. Судя по положению солнца, было не менее десяти утра, — Не умеешь ты врать, Кузя.

— А ты что ж, умеешь? Если так, то я с удовольствием у тебя поучусь. Кстати, твой Ник велел передать, что приедет к двенадцати и повезет тебя в какой-то магазин за зонтом. Так что я бы на твоём месте поторопился.

— О! Так он, и правда, решил мне зонтик купить, — удивилась художница. Старясь слишком широко не зевать, она вылезла из-под одеяла. Потом опомнилась и с недоверием покосилась на мальчишку, — Эй, а тебя что, не учили, что когда девушка переодевается, надо выйти?

— Да, пожалуйста! — насмешливо хмыкнул Кузьма, да только с первого раза подняться со стула не получилось. За те три часа, что он провел в комнате Карины, находясь в позе зародыша, мышцы спины и шеи начали ныть, зато ноги совершенно потеряли чувствительность и способность двигаться. Не долго думая, девушка буквально выдернула его за руки, после чего подобрала с пола плед и вместе с ним выставила за дверь.

— Теперь он еще и мальчишку привлёк к этому, — мрачно натягивая штаны, пробурчала она. События вчерашней ночи при свете солнца казались не такими уж страшными, и даже сон частично забылся. Лишь странное ощущение копящейся внутри нее силы так и не прошло. Карина со злостью рубанула по подушке кулаком, но та даже не сдвинулась с места. Ничего общего с летящим над кустами Ником из сна не было. Художница почувствовала облегчение, смешанное с сожалением, и тут же попыталась одернуть себя. Некоторым снам лучше не превращаться в реальность, иначе последняя может сама превратиться в кошмар. Взгляд скользнул по обложке оставленной Кузьмой книги, — «Первые блюда». Ну, да, это и, правда, классика...

Ребята ждали ее у машины с таким воодушевлением на лицах, что сразу стало ясно: все происходящее их совершенно не трогает. Так взрослые иногда отвечают на рассказ ребенка о каком-нибудь важном для него событии. Им оно кажется глупым или надуманным, но ведь нельзя же сказать об этом самому ребенку? Равно как и «душевнобольной» подруге. Но Карина решила, что сейчас лучше не обращать внимания ни на взгляд Никиты а-ля

заботливый папочка, ни на нервно переступающего с ноги на ногу Кузю. Во-первых, портить настроение в такой погожий теплый день было бы верхом глупости. А во-вторых, после обеда должна была приехать Зоя. И художница ни капли не сомневалась в том, что та обязательно увидит не просто переплетение листьев, а злобную тварь, становящуюся с каждым днем все крупнее и яснее. Тем более после вчерашнего вечера.

— Доброе утро! — с натянутой улыбкой поприветствовал друг. Та лишь кивнула в ответ, быстро забираясь на заднее сидение. Как бы приятно не щекотало открытые руки теплое солнце, вид зеленой травы и первых цветов заставил сердце неприятно сжаться. Скорее бы уже наступило лето! В нем нет этой непростительной жажды жизни, нет пробуждения и бестолковой суеты. Оно просто жаркое, живущие... *уже* живущие и радующиеся. И совершенно чужое, не наводящее не на какие мысли, образы и ассоциации.

— Куда направляемся? — поинтересовалась Карина, когда черный монстр парня выехал со двора. Она до сих пор не понимала, зачем Никите понадобилась в городе такая мощная машина, ведь все равно большую часть времени приходилось стоять в пробках? Но тот предпочел в свое время именно этого «железного коня» другим лошадкам и не пожалел. Машина имела свой настоящий характер. Норовистый и резкий, как у настоящего скакуна. Вот и сейчас друзья едва успели вжаться в кресла, когда джип рванул с места в карьер, на ходу обгоняя старенькую «девятку», — Осторожнее!

— Да успокойся ты, — махнул рукой Ник, переплывая из крайнего правого ряда в средний, — Ты же знаешь, что я не могу, как другие, едва тащиться в хвосте. В конце концов, где еще, как ни за рулем можно почувствовать себя свободным. Тем более за рулем такого зверя!

— Вот-вот, — мрачно протянул Кузя, — зверя. Знал бы, что мне придется ехать с камикадзе, ни за что бы в него не сел.

— Не хочешь, — не езжай, — философски пожал плечами Ник, — Я тебя и не приглашал. Это Каринке нужно за покупками, а ты у нас гражданин не занятой и не подневольный.

— Ну, уж нет. Одну ее я не отпущу... — буркнул оборванец. Художница улыбнулась, ободряюще пожав пареньку руку. Она еще помнила, как в первые поездки визжала на особо крутых виражах. Но все, как говорится, приходит с опытом. Или проходит. Вот и Карина постепенно перестала трястись при каждом повороте руля. Так что придется и Кузе привыкнуть к такому вот экстремальному способу перемещения в пространстве.

Всю оставшуюся дорогу до магазина друзья молчали, думая каждый о своем. Но, в отличие от впечатлительных пассажиров, сам ресторатор наслаждался поездкой. Он не боялся ни извивов дороги, ни мигающих светофоров, под которыми проносился в последний миг перед тем, как те начинали светиться красным.

Всю жизнь парень старательно играл с чужими чувствами и мыслями, пробиваясь наверх социальной пирамиды. Конечно, голодать или жить в сарае, как Кузьме ему никогда не приходилось. Однако бедная семья не могла обеспечить его ни прибавкой к скудной стипендии, ни дальнейшей материальной помощью в случае провала его предприятия. Кафе не являлось его главной мечтой, скорее это был наиболее приятный способ добычи денег. Он тратил дни на учебу, а по ночам работал официантом. После полугода из-за хронического недосыпания парня положили в больницу. И до сих пор, уже спустя шесть лет, его все еще мучили головные боли. Он придумывал новые акции, он сам разработал дизайн своего заведения, сам занимался рекламой. Улыбчивый (даже когда ноги гудели от

усталости, а перед глазами все плыло от недоедания), приятный в обхождении, он нравился всем без исключения. Родители также никогда не видели Ника расстроенным. Этаким никогда не унывающий плюшевый медвежонок со стальным стержнем.

Как это ни странно, но после переезда к нему Карины, Никита стал счастливее. Не смотря на постоянные крики по ночам, навязчивые идеи и странные разговоры. Он чувствовал себя так, словно всю жизнь старался вспомнить выученный в детстве стих. Какое-то странное предчувствие сопровождало парня, что вот-вот перед ним раскроется весь мир, будто в голове щелкнет замок и распахнется дверца в небо, не менее. И сейчас, легко лавируя на своем «звере» среди прочих машин, Ник чувствовал себя властным над своими чувствами и судьбой.

Порыв...

С него начинается все, и заканчивается, как только он исчезает.

Любовь — порыв.

Творчество — порыв.

Свобода — порыв.

Душа разрывается, рвется куда-то в новое и неизведанное. И появляется стремление быть с кем-то или кем-то. Перекрасить волосы, сменить работу, рассмеяться громко и не принужденно. Словно бы расцвести у всех на виду посреди снега.

— Что ты творишь?! — Никита едва не проломил головой стекло, и если бы не крепкий ремень безопасности, все могло бы кончиться намного плачевнее. Голоса приятелей долетели до парня едва ли не быстрее визга тормозов. И только потом он понял, что стоит посреди дороги, а позади уже собираются в длинную вереницу другие участники движения на не столь впечатляющих автомобилях.

— Кажется, я задумался, — вновь заводя мотор, промямлил Ник.

— Слушай, предупреждать же надо! Ну, там, осторожнее, в мою голову проникли мысли. Сейчас уйду в себя, вернусь не скоро, — рассердился Кузьма, нервно дергая застежку на куртке.

— О чем задумался? — зато в голосе Карины раздражение совершенно не было. Девушка уже несколько минут наблюдала за другом, который сначала все больше мрачнел, а потом его черные глаза загорелись каким-то нездоровым блеском. Похожим на глаза волка, готового в любой момент прыгнуть и убежать в родной лес. Неожиданное сравнение больно полоснуло художницу по сердцу, да только последнее время она сама выглядела примерно так же. Наверное, именно поэтому она не испугалась ни резкого торможения, ни пронзительного рева автомобиля. Она испугалась за Ника.

— Да так, о всякой ерунде, — отмахнулся тот. Сидящий рядом Кузя ругал водителя сквозь зубы, но одергивать его Карине было некогда. Естественно, парню она не поверила. Больше того, укрепила в предположении, что он сделал для себя какой-то очень важный вывод. Так понимают друг друга те, у схожие беды. Без слов, по одному наклону головы.

Еще несколько метров, и они свернули на стоянку. Едва выбравшись из салона, ресторатор кинулся открывать двери пассажирам. Девушку он подхватил под руку, мальчишку схватил за плечо. Так втроем они и поспешили ко входу в магазин. Даже не магазин, так, небольшой закуток с несколькими крючками и витриной, заваленной зонтами всевозможных размеров и расцветок. Карина уже хотела ткнуть в первый попавшийся, но даже руку не смогла поднять. Прямо на нее смотрел ярко-золотистый красавец, каким-то невероятным образом воткнутый между ящиками с товаром и дверью.

— Этот? — проследив за взглядом художницы, скептически протянул Кузьма, — Не слишком ли вызывающе он смотрится?

— Самое то, — заверила его девушка. И это было правдой. Желтый, как солнце или как золотая листва осенью, зонт притягивал внимание и словно бы обогревал своего владельца. С таким цветным пятном над головой не соскучишься даже в мелкий надоедливый дождь.

К тому же само слово «вызывающе» как катализатор подтолкнуло Карину к покупке. Именно сейчас ей нужно было хоть кому-то бросить вызов, а не пассивно наблюдать за происходящим.

— Берем? — почти утвердительно произнес Никита. Девушка кивнула, как замороженная глядя на «грибок», уже как на свою собственность.

— Сколько он стоит? — наконец, налюбовавшись, спросила она, но приятель предупредил желание девушки быстрее, чем та достала кошелек:

— Я сам заплачу. И не спорь, — отрубил Ник, а уже через несколько минут Карина с невероятным удовольствием отправила в мусорку предшественника желтого зонта. Словно бы и не вещь, а старую жизнь выкидывала.

Было решено заехать по пути домой к Карине. Но там ребят ждал весьма неприятный сюрприз в виде недовольных родителей Карины под дверью. Они то ли собирались уходить, то ли, наоборот, откуда-то возвращались. Отец бряцал ключами, аки рыцарь латами, пытаясь попасть в скважину. Так что первой их заметила мать. Сначала лицо ее осветилось радостью, но, не увидев в руках дочери ни сумки, ни чемоданов, родительница потухла. Блудная дочь немедленно нырнула за широкую спину Ника, без зазрения совести выставя его вперед, как щит.

— Кто это? — поинтересовался шепотом Кузя, но художница уже натягивала на лицо слащавую улыбку, которая могла бы по приторности состязаться с медом.

— Привет, — все-таки совершенно беззаботной выглядеть не получилось. Или это круги под глазами испортили все впечатление, или не вовремя высунувшийся мальчишка, но родители заметно перекосились.

— Ты домой собираешься? — начал отец, наконец, распахивая дверь квартиры.

— Я все беспокоюсь, где она, — подхватила дородная мать.

— Насколько я помню, ты обещала вернуться уже через три дня. Мы и так слишком долго ждали. Заходи, давай.

— Это я виноват, — вступился Никита, — Я уговорил Карину остаться.

— Вот именно! Вам, молодой человек, вообще, нельзя было даже делать такие предложения, — взъярился отец, брызгая слюной, — Моя дочь — это вам не какая-то распутная девка, которая ложиться в постель с первым встречным.

— Папа... — словно извиняясь за его поведение, художница прикусила губу.

— Что, папа? Что, я тебя спрашиваю? В конце концов, разве мы не даем тебе все необходимое, разве я не позволяю тебе заниматься, чем хочешь, плачу за все, нет?

— Вот именно, — неожиданно для самой себя в ответ закричала Карина, — Ты все делаешь для меня, но я никогда не могла что-то сделать сама. Мне не пять лет, пойми, и даже не десять. Я скоро стану старой девой, без мужа, без детей, без личного пространства и надежды на будущее. Я не могу элементарно приготовить себе обед, потому что он всегда на столе. У меня нет права плюнуть на все, начать что-то, что-то бросать. Это даже не существование птицы в золотой клетке — это полет безмолвного духа, бестелесного,

который не в силах даже подвинуть предмет без помощи человека. Поэтому я и ушла к Нику. И я не собираюсь возвращаться.

— Как это, дочка? — удивилась мать Карины. На ее глазах милая девочка неожиданно превратилась в настоящую фурию. Глаза горели, левая рука сжалась в кулак, а правой она вцепилась в ладонь парня, — Мы так соскучились по тебе, мы хотим, чтобы ты была счастлива...

— Я тоже этого хочу, — покачала головой художница, — Дайте только мне воздух, а крылья отрастут сами.

Слова старого стихотворения как нельзя лучше подошли для выражения ее мысли. Девушка невольно вспомнила первую строфу, словно саму по себе всплывшую в голове:

Дай мне воздух, дышать что б, как прежде.

Крылья сами потом отрастут.

В облегающей черной одежде

Отгородит меня смерть от пут.

— Ты не можешь так с нами поступить, — не сдался отец, — и, вообще, кто этот мальчишка? На какой помойке ты его выкопала.

— Это мой новый натурщик, — мрачно ответила девушка, — . Хотя да, именно так. Я его подобрала. И собираюсь помочь найти ему новую семью. Не желаете усыновить, а? Не хотите? Думаю, мне лучше самой это сделать.

— Карина, ты с ума сошла? — неожиданно поинтересовался Кузьма. Никита недовольно покосился на оборванца, но ничего говорить не стал. Подобная идея возникала и у него. Правда, в роли опекунов выступила бы его семья. Однако Ник и предположить не мог, что подруга сама до этого додумается, да еще так открыто заявит родителям.

— Я во вполне здравом уме. Конечно, если ты не хочешь иметь со мной никаких дел, можешь возвращаться на улицу.

— Ну, что ты, — протянул мальчишка, — я ничего такого...

— Вот и хорошо, — оборвала его Карина. Она почти не чувствовала своего тела. Голова стала тяжелой, сердце стучало где-то в висках, ладони вспотели. Но больше молчать не было смысла. Огромная плотина прорвалась, и художницу тащило все дальше и дальше. Не то к водопаду, не то к отмели.

Кузе же больше всего хотелось оказаться подальше от собравшейся на площадке компании. Не важно где, но только не в душном подъезде. Он любил внимание, да явно не такое. Теперь его буквально буравили две пары глаз, пытаясь не то просверлить в черепае дыры, не то заставить наваждение в виде жалкого попрошайки исчезнуть. К обоюдному прискорбию родителей Карины и «наваждения», последнее осталось стоять на месте.

— Давай все обсудим, спокойно, не торопясь, — попыталась хоть как-то урезонить мрачную дочь и начинающего багроветь от злобы мужа, Нина Петровна.

— Я не собираюсь ничего обсуждать, — не выдержал отец, — Это просто невыносимо — тащить в дом какого-то бомжа! А она еще собирается отдельно жить! Да ты понимаешь, что она может натворить без контроля?!

— Она ничего не натворит, — вступился за подругу Никита, — И я об этом позабочусь. И, кстати, Карина, тебе не придется становиться старой девой. Выходи за меня!

— Что?! — теперь физиономии вытянулись у всех участников перепалки, и только Ник остался стоять, как ни в чем не бывало.

— Я серьезно. В конце концов, мы давно знакомы, хорошо друг друга знаем. Ты всегда мне нравилась. Почему бы тебе ни рассмотреть мою кандидатуру в качестве мужа.

— Кажется, крыша поехала у всех, — охнул Кузьма.

Волны накатили последний раз и с шумом разбились о камни. Пару секунд понадобилось художнице, чтобы понять, куда клонит Ник.

Карина попыталась принять задумчивый вид, хотя больше всего на свете ей захотелось рассмеяться. Да, такого оригинального метода защиты от родительского гнева она еще не встречала. Хорошо хоть предки не удосужились как следует взглянуть в лицо ее друга, потому что веселые чертенья в глазах никак не соответствовали официальности данного предложения.

Замуж Карина в ближайшее время не собиралась. Скорее, наоборот, горячо хотела сохранить свою независимость и дольше носить гордое имя «свободная женщина». И вообще, девушка всегда считала поговорку: «Хорошее дело браком не назовут», — самым правильным из всех изречений про это самое нехорошее дело. Тем более что везде и всюду художница находила этому подтверждение.

— А почему бы и нет, — хмыкнула она, — я согласна. А раз так, то мы немедленно пойдем и подадим заявление, вот.

— Именно, — улыбнулся Ник, едва заметно подмигивая.

— Но...

— И никаких «но», — совсем уже доводя мать и отца до состояния растерянности, граничащего с ужасом, выпалила Карина, хватая парней под локотки. Главное сейчас — не расхохотаться. Честное слово, на месте родителей, она бы во весь этот фарс не поверила. Ребята буквально скатились вниз с лестницы, сопровождаемые выкриками в спину.

— Ну, и куда пойдем? — как только все трое оказались на улице, поинтересовался Никита.

— Во всяком случае, не в ЗАГС, — решила девушка.

— То есть, как? — не понял Кузя.

— То есть так. А ты думал, я, действительно, делаю ей предложение?! — ухмыльнулся ресторатор, — Не хочу никого обидеть, но у меня есть дела поважнее, чем подготовка к свадебной церемонии.

— Может, в кафе? — предложила Карина. Кафе было же самым подходящим местом, чтобы обсуждать дальнейшие планы, а заодно подкрепиться. К середине дня желудок стал неприятно и громко бурчать, так что никакие уговоры на него не действовали. Организм — это, вообще, не лучший из друзей человека, особенно женский. Зато вот различного рода неприятные сюрпризы он выкидывать мастер.

— У меня есть план лучше, — озорно подмигнул Ник, — Помнишь, ты хотела сходить в парикмахерскую? Почему бы нам это не сделать сейчас?

— Ты серьезно? — не поверила Карина, пытаясь понять, шутит приятель или просто издевается. Кажется, он еще вчера был решительно против любых перемен в ее облике, что же такого могло произойти, чтобы Ник поменял свое мнение? Именно это и высказала девушка, на что тот неожиданно тихо произнес:

— Просто я сегодня ехал в магазин и понял для себя много важного. В конце концов, если тебе хочется что-то сделать, — делай. Ты же сама недавно говорила, что жаждешь

перемен. Может быть, Карина, ни ты одна?

— Может быть, — улыбнулась художница, с подозрением глядя в глаза Ника: не вернулся ли в них тот странный утренний блеск, смешанный с болью и стремлением умчаться на край света. Блеска не было, но и прежние смешинки куда-то поспешили удалиться, оставив зрачок непроницаемым и тусклым, — Что ж, это даже лучше. Парикмахерская находится в той же стороне, что и ЗАГС, так что если за нами все еще следят, это нам будет только на руку.

Карина на автомате повернулась к подъезду, задрав голову. Точно! Прямо на них смотрели ее предки. Она едва удержалась, чтобы не сделать им ручкой, но за нее это уже сотворил Кузьма.

— Ладно, стрижка — стрижкой, но нам-то что делать? — спросил он, когда девушку усадили в кресло, накрывая ей плечи пленкой, чтобы на одежду не попали волосы. Она тем временем суетливо листала каталог с самыми модными прическами, но буквально через минуту отложила его.

— А мы пойдем на север, — отозвался Ник, на секунду отвлекаясь от подслушивания разговора между мастером и подругой, — Тут есть неплохая закусочная. Карина?!

— Да?

— Мы тебя будем ждать в «Северном волке».

— Волке? — с некоторой опаской переспросила девушка. Ресторатор с запозданием понял, что совершил очередную глупость, но, увидев, что художница тут же расслаблено откинулась на спинку, решил не торопиться с выводами, — Хорошо. Надеюсь, вы не съедите все их запасы!

— Постараемся, — хихикнул мальчишка.

После часа ожидания, Ник уже собрался было пойти за своей подругой, оставив Кузьму в закусочной. Но та появилась сама, сияя, словно только что вымытая тарелка. Кажется, от нее даже аромат начал исходить другой: свежести и праздничности. Возможно, дело было в шампуне, которым девушке вымыли обновленную голову, а может, что-то поменялось в самом ее настроении. Во всяком случае, лихорадочный взгляд испуганной косули, загнанной гепардом из глаз художницы исчез. Остался только яркий блеск восхищения:

— Ну, как вам? — повернувшись на каблуках, девушка продемонстрировала новую прическу со всех сторон. Кузьма хотел пожать плечами, но вовремя скорченная гримаса Никиты живо отбила у него это желание. Пришлось так же глупо улыбаться и цокать языком. Вместо шикарного темно-русого «хвоста» остались светлые, редкие прядки, больше годные на кисточки, но почему-то разметавшиеся во все стороны, как стог соломы. Зато появилась челка, закрывшая почти полностью левый глаз. Однако, похоже, Никита ни капельки не притворялся, что ему нравится. Кузя даже недоверчиво бровь приподнял, что было расценено Кариной, как комплимент:

— Что, нравится? — улыбнулась еще шире художница.

— Не-а... — совершенно не смущаясь, протянул в ответ паренек, — Такие деньги отвалила ради того, чтобы тебя, словно курицу ощипали. Да и еще и цвет какой-то странный.

— Вообще-то это карамель, — хмыкнула Карина, повернувшись к Нику, — А ты что скажешь?

— А мне нравится, — неожиданно ответил друг, — Если честно, я думал, что из твоей затеи ничего не получится. Но результат вышел вполне пристойный. Конечно, еще долго придется привыкать к твоему новому облику, но что-то в этом определенно есть.

— Паршиво? — недоверчиво скисла художница, — Или все же терпимо?

— Не знаю. Это просто по-новому. А новое не может быть хуже или лучше. Оно — новое. К тому же теперь меньше денег уйдет на шампунь, а то я уже было решил, что разорюсь на нем, пока ты у меня живешь... — добавил Ник, за что немедленно получил кулачком в плечо. Недоеденный чебурек смачно плюхнулся обратно на одноразовую тарелочку, забрызгав не только парня, но и Карину. Девушка фыркнула, отряхиваясь, словно промокая кошка.

Солнечный луч, каким-то сверхъестественным образом сумевший пробиться сквозь пыльное окошко под потолком мигнул на ее щеке, медленно переплыл на светлые пряди, блеснув в них золотом. Сама того не замечая, художница на мгновение стала редким полотном, в котором отразились и свежесть, и легкость, и мимолетность явлений, и грусть. Ник только смущенно улыбнулся, с каким-то новым ощущением глядя на подругу.

«И все-таки она достаточно привлекательная», — мелькнуло в голове. На самом деле у него даже дух захватило от этой новой Карины, но признаваться в этом даже себе Ник отчего-то не решился.

Кузя рядом с обреченным видом вздохнул, чересчур громко и выразительно зачавкав булочкой с повидлом, и тем самым нарушая всю атмосферу.

— Кузьма, это неприлично! — шепотом напустилась на оборванца девушка, на что получила ответ:

— Шато я не пялюсь на девушку с таким идиотским выжашением лица.

— Эй, сопляк, ты совсем что ли стыд потерял? — немедленно возвращаясь с небес на землю, удивленно произнес Никита.

— Нет, — кое-как протолкнув очередной кусок в горло, возразил с улыбкой Кузьма, — Я его временно одолжил.

После чего с совершенно безобидным выражением подсунул владельцу кафе под нос карманное зеркальце. И тот впервые в жизни не пожалел о том, что у него смуглая кожа. На бледном лице красные пятна смотрелись бы уж совсем неуместно.

Одновременный замах ладоней над темечком живо заставил мальчишку юркнуть вон из «Северного волка». Дав ему пару минут форы и заодно расплатившись, ребята двинулись вслед.

Эта ночь стала самой страшной из всех предыдущих. Девушка так и не смогла вспомнить, что именно заставило ее закричать, и почему она неожиданно оказалась на полу. В голове осталось только рычание, больше похожее на хриплый смех. Она кое-как поднялась на дрожащие ноги, с осторожностью усаживаясь на краешек кровати. Рубашка была мокрой на спине, по вискам тек пот.

— Что? — в дверях немедленно обнаружился встрепанный Ник в одних штанах.

— Сон... — глухо простонала Карина.

— Все тот же или что-то новое появилось? — присаживаясь рядом, попытался он успокоить подругу. Однако девушка и так была уже спокойна, а вот хозяин квартиры теперь не на шутку разволновался. Парню показалось, что из комнаты Карины, на сей раз, доносился не просто плач, а какой-то животный крик.

Художница только головой покачала:

— Я не помню. Ничего не помню. Только знаю, что он намного ближе, чем я ожидала. Ник, где моя картина? Я должна на нее посмотреть.

— Ты уверенна, что это *так* необходимо? — старясь всей интонацией выразить свое беспокойство за девушку, поинтересовался Никита.

— Да. И я прошу тебя, не надо на меня смотреть такими дикими глазами. Со мной все в порядке. Как не странно...

— Хорошо, — отступил парень, поднимаясь с насиженного места. Через минуту он поставил громадную раму перед подругой и отдернул закрывавшую полотно ткань, — Что там?

— Посмотри сам, — с каким-то подозрительным безразличием предложила собеседница. Ник перегнулся через край картины и замер. Прямо на него смотрел желтыми глазами совершенно четкий, серый волк. И даже больше. Парню вдруг показалось (хотя, что можно вообще нормально рассмотреть в темноте?), что зверь начал приобретать объем. То есть он не просто находился внутри картины, а словно выступая барельефом над ее поверхностью. Ник хотел протянуть руку, чтобы удостовериться, что это всего лишь обман зрения или какой-то оптический эффект, но Карина первая ринулась вперед, пальцами проводя по контуру волка, — Не трогай его пока. погоди. Мне надо ему объяснить, что ты не враг.

— Кому? — ошарашено, а потому слишком громко, произнес друг.

— Волку. Он уже почти рядом со мной во сне. Но он не хочет, чтобы кто-то, кроме меня подходил к нему. Я боюсь, что если ты сейчас тронешь полотно, это может его разозлить. Завтра утром... да, лучше утром.

— Карина, ты...

— Совершенно уверена в том, что я нормальна, — продолжила художница за Ника, — Прошу тебя, дождись завтрашнего утра.

— Ладно, — хмуро согласился парень. Сейчас он и сам сомневался в собственном душевном здоровье, но что-то подсказывало ему, что спорить с подружкой бесполезно. Тем более, если она, действительно, превратилась в параноика. Никита прислонил картину к стене, привычно накрыв ее тряпочкой, и тихо покинул комнату.

Как только дверь за другом закрылась, Карина а немедленно свернулась калачиком под одеялом, стараясь отрешиться от посторонних мыслей. Теперь она собиралась не только не гнать злого волка из ее сна, наоборот, старательно представляла его себе. Его серую, с желтизной шкурку, крупные зубы, лапы с когтями. Она планомерно шла от кончика хвоста, рисуя перед собой каждый волосок на нем, перешла на спину, мощные лапы, уши и, наконец, попыталась заглянуть зверю в глаза. Сначала волк никак не хотел смотреть на нее. Даже полностью контролируемый воображением художницы, отворачивался. И тогда ей пришлось прибегнуть к хитрости. Девушка медленно встала на колени, пачкая синее, в цвет сентябрьского неба, платье. Расстилавшийся впереди луг шелестел разноцветными, в большинстве своем белыми и желтыми цветами. Странно, но над летним лугом раскинули свои кроны абсолютно желтые и багряные деревья. Возможно, по этому, волк все еще недовольно вертел мордой, словно не собираясь мириться с таким несоответствием.

— Ну, какая тебе разница, — пробурчала Карина, обхватывая ладонями голову хищника. Тот в ужасе и непонимании отступил на шаг, но вырваться из крепких объятий так и не смог, — Тебя же не существует!

«Ага, тогда с кем же я говорю? Значит, и меня не существует?» — подумала воображаемая Карина. Настоящая же, все еще лежащая на кровати, только вздохнула:

«Хватит отвлекаться на эти мелочи, надо как можно быстрее уснуть!».

— *Ты — глупое, вредное животное,* — продолжала поносить волка девушка из выдумки, — *Почему бы тебе просто не сказать мне, что ты от меня хочешь?*

«Хочу?» — неожиданно отразилось четко в желтых глазах хищника, — **Девочка, это не я хочу, а ты!»**

— Я?

— Я? — такой наглости не ожидала ни одна из Карин. И тут же луг подернулся дымкой, деревья сомкнулись над головой, и снова перед художницей возник уже знакомый ей лес. Руки ее все еще остались протянутыми, но обхватывали только пустоту. Громадный зверь, совсем не похожий на того, что только что вертел башкой, стоял всего в нескольких метрах от девушки. И смотрел прямо на нее уже без всякого страха прямо в глаза. А она, словно в забытии, двигалась к нему. И теперь уже ей захотелось упасть перед ним, заслониться от всепроникающего звериного взгляда. Но вместо того, чтобы именно так и поступить, Карина вдруг поднялась на ноги, с вызовом произнося:

— *Ты не имеешь права делать ему больно...*

— **Мне он не важен. Я пришел только за тобой.**

— *Все равно, ты не должен причинять ему боль.*

— **Разве тебе самой на него не плевать?** — ухмыльнулся волк, — **Или ты предпочтешь остаться с ним?**

— *Нет, конечно, нет. Мне совершенно не важно, что будет с Ником и всеми остальными. Но пусть они хотя бы будут целы и невредимы,* — замотала девушка головой.

— **Я не убиваю людей. Я лишь прихожу за теми, для кого их шкура стала слишком тесной, а мир — слишком пустым. Этот лес будет весь твоим. Твоими друзьями станут ветер и ручьи. Ты всегда найдешь здесь то, что захочешь: свободу, любовь, уважение.**

— *Покой?*

— **Если хочешь... Здесь не будет весны, боли и разочарования. Хотя и ты и сама это знаешь.**

— *А если я захочу все же взять кого-то с собой?* — поинтересовалась Карина.

«А если я захочу все же взять с собой Ника?» — попыталась скрыть она, опустив голову. Волк в ответ то ли чихнул, то ли презрительно хмыкнул, но ничего не ответил.

— **Жди меня, детка. Я вижу, что ты изменилась не только внешне,** — художница почти неосознанно бросила взгляд на торчащие светлые волосы. Ее волосы, — **Но ты продолжаешь идти ко мне. Еще один шаг, детка...**

Карина проснулась от мужского вопля за стеной, постепенно переходящего в дикий хохот. Сперва она решила, что столь странные звуки ей приснились. Но в форточку дул вполне реальный ветер, а холодный пол обжег ступни, приведя девушку в чувство.

— Что случилось? — бесцеремонно распахнув дверь во всю ширь, возмущенно спросила художница. Ник только нервно хихикнул, без лишних слов ткнув пальцем в «Осень». Карина бросила туда взгляд, и ей стало дурно. Волка больше не было. Словно кто-то взял и вымазал его белой и фиолетовой краской. Но это была не краска. Посреди полотна зияла дыра, через которую просвечивал пододеяльник Ника.

— Это ты сделал? — нахмурилась Карина.

— Нет. Сначала эта тварь стала объемной, а потом вдруг сиганула из картины прямо в окно. И вот теперь осталась дыра, — приятель еще раз глупо хихикнул.

«Не глупо, а нервно», — поправила себя девушка.

— погоди, что значит, сиганула? — не поняла она. Ник пошел странными зеленоватыми пятнами и медленно опустился на пол, все еще придерживая раму картины за угол, — Никита, с тобой все в порядке?

— Со мной? Нет, со мной все не в порядке! Сначала на моих глазах двухмерная псина превращается в трехмерную, потом резко разворачивается в мою сторону и прыгает. Я удивляюсь, почему картина не порвана на лоскутья. Твой волк был не меньше метра в холке!

— Отлично... — с сарказмом произнесла в ответ Карина. Ее отчего-то совершенно не удивил ни побег волка, ни его способность вырываться из мира по *ту* сторону полотна (хотя даже само существование этого мира было под вопросом). Зато весть о том, что хищник удрал, так и не поговорив с ней, страшно разозлило девушку, — Найду эту тварь, голову ей отверну.

— Ты собираешься его искать? — с ужасом просипел ресторатор.

— А ты думаешь, я дам ему шанс бегать по городу? А если кто-нибудь пострадает? В смысле, это же, черт побери, не комнатная собачка!

— И ты думаешь, что мы сможем остановить его?

— Я с ним говорила, Ник. Он пришел за мной, пришел, чтобы забрать в свой лес, чтобы сделать меня свободной. Чтобы я, наконец-то, смогла отвязаться от покровительства моих родителей, от глупых условностей этого мира. Что бы я сама творила свою жизнь, так, как мне этого хочется.

— Ты говорила с волком? С нарисованным волком? — Ник потряс головой, пытаясь собрать в кучку остатки здравого смысла. Если в такой ситуации, вообще, есть место здравому смыслу. Он пару раз ущипнул себя, но дурное видение и не думало уступать место реальности.

«Так. Все хорошо, все нормально», — уговаривал себя парень. Но все было ненормально.

— Перестань! — Карина со злостью плюхнулась на кровать, — Перестань говорить со мной, как с сумасшедшей! Послушай: он приходил ко мне ночью. Не знаю как, но этот волк связан со мной. И у него есть цель. Это не просто тупой зверь. Он... он... Ох, даже не знаю как тебе объяснить! Он слушается меня. Желает мне добра. Я смогу стать такой же, как этот волк: свободной, способной сама управлять своей жизнью.

— Такой же? То есть обрастешь мехом и будешь лопать сырых оленей? — Ник хмыкнул себе под нос, пытаясь хоть немного успокоиться. Раньше он принимал Каринину историю про волка со смесью недоверия и иронии. Теперь у него не было ни капли сомнения в словах девушки. Эта тварь не просто реальна, она способна сделать из подруги свое подобие. И что печальнее всего: Карина не станет противиться.

— И ты думаешь, что, взяв свою судьбу под контроль, ты, действительно, станешь счастливой? — с сомнением прищурился Ник. Художница утвердительно кивнула головой, — Не знаю.

— А тебе и знать ничего не надо. Лучше скажи: ты со мной?

— Конечно. С чего начнем поиски?

— С завтрака, — хмыкнула девушка, — а потом надо будет попробовать с ним связаться.

— Думаешь, получится? Одно дело, когда он был в картине, но сейчас-то зверюга не ограничена рамками. В прямом смысле, — засомневался ресторатор. Но с пола встал, даже попробовал одеться. Руки у него заметно тряслись так, что очередная пуговица вместо того, чтобы пролезть в петельку, оторвалась окончательно, оставив после себя несколько торчащих черных ниточек. Карина с непроницаемым лицом смотрела за тем, как приятель, ругаясь, пытается найти еще одну чистую рубашку.

— Ник?

— Что?

— Ты бы хотел пойти со мной в его мир? Стать волком, бегать по лесам, наслаждаться ветром, запахом травы, скоростью, прыжками?

— Не знаю, — неожиданно серьезно, даже без тени удивления произнес Никита, — а что, есть такая возможность?

— Я думаю, если попросить его принять и тебя... Ник, без тебя будет как-то скучно. Ты знаешь... После тех кошмаров я много думала. Хочу ли я, правда, все бросить и полностью изменить себя, свою жизнь. И поняла, что от некоторых вещей очень сложно избавиться и забыть о них. Мои картины, возможность говорить, быть рядом с некоторыми людьми. Ты уговорил меня остаться только потому, что мне самой очень не хотелось уезжать от тебя.

— А что тебе дороже? Если бы твой волчара дал тебе право выбора: я или шкура, чтобы ты решила? — шутливо уточнил ресторатор, но глаза его совершенно не смеялись.

— Честно?

— Честно.

— Шкура... — опустив голову, призналась Карина, — Я понимаю, что в этой жизни нет ничего дороже друзей, родных, любящих людей, которые тебя окружают, но иногда одиночество — это лучший выход. Как бы ни хороши были люди, они никогда не поймут тебя до конца. Так не лучше ли вооружиться настоящими клыками и когтями вместо лжи, злости и хитрости, и пуститься вперед, обгоняя ветер? Если я его найду, Ник, я уйду с ним.

— Что ж, — попытался улыбнуться парень, — Посмотрим. И пойдем-ка, поедим. Голодный желудок еще никогда не был хорошим советчиком.

Стараясь не смотреть в глаза подруге, Ник первым прошел на кухню, почти машинально поставив чайник на плиту, и немедленно отвернулся в сторону холодильника, как только девушка вошла. Он старательно пытался сосредоточиться продуктах, решая, что достать из большого белого монстра. Но взгляд невольно скользил в сторону Карины. А та сидела, подобравшись, словно боясь пошевелиться и рассыпаться. Поджимала губы, уставившись в

пол, и молчала.

— М-да, ассортимент не жалуется! — разрушив звенящую тишину, сделал вывод Ник, — Придется или бежать в магазин, или довольствоваться бутербродами с колбасой. Больше ничего предложить не могу.

— Не уходи... — прошептала художница, — Я не особенно голодна. Бутерброды — это тоже отлично.

— Хорошо, — наигранно бодро хозяин квартиры вытащил на свет божий кусочек, оставшийся от палки, затем выставил на стол кетчуп, аккуратно размазанный по стенкам стеклянной бутылки, и принялся резать хлеб. Чайник запыхтел, заворчал, начал парить. Первой к нему поспешила Карина, наливая в чашки кипяток. Жидкость немедленно приобрела темно-коричневый цвет и дивно запахла кофе. Ник тем временем пытался вытряхнуть остатки кетчупа на ломти хлеба.

— Никита, — принимая из рук друга вожделенный завтрак, перешла к делу девушка, — Как ты думаешь, куда он мог сбежать?

— Без понятия, — удрученно покачал в ответ парень.

— Хорошо, тогда задам вопрос по-другому: куда бы ты побеждал, если бы был волком?

— Подальше от города. Лучше всего в сторону леса. Но, Карина, это не просто волк, а какая-то совершенно непонятная тварь... из картины... Господи, чушь какая, какая нелепица! Волк, выбежавший из картины! — Ник отхлебнул из кружки и поморщился. Ну, вот, сжег себе небо, — Расскажи подробнее, как ты с ним общаешься? Это что-то вроде голоса в твоей голове, или, не знаю... Ты, правда, ему нужна?

— Да. Сначала он просто мне снился. Обычные дурные сны. Какие-то обрывки, сцены. Но потом они начали обретать сюжет. И волк... Последний сон... Я не могу тебе объяснить, но это был уже не просто сон. Было такое ощущение, будто меня разделило надвое. Когда смотришь старые пленки. Себя в детстве. Вспоминаешь, когда и где это записывали, что ты чувствовал при этом...

— Угу. И думаешь: о, неужели это я? — кивнул Ник.

— Да... Нас было двое. Я смотрела за собой со стороны. А та Карина разговаривала с волком в темном лесу. Очень странно, но там всегда ночь... и осень... Сначала я его очень боялась, а потом поняла, что мне ничего не грозит. Только вот за остальных я ручаться не могу... Однажды меня уже пытались остановить, когда я двигалась к волку.

— Кто?

— Ты. Ты пытался меня остановить... Я тебя убила, во сне.

— Очень мило с твоей стороны, — хмыкнул парень. Карина нервно дернула щекой, едва сдерживая слезы от воспоминаний. Слишком они были яркими, словно девушка только что очнулась от того кошмара. Увидев это, друг сразу же перестал фыркать, меняя тему.

— Ну, хорошо. Допустим, эта гадина не обладает особо развитой фантазией и решила, и правда, элементарно спрятаться в каком-нибудь лесу. Но в каком? За пределами города полно различных лесополос, заросших пустырей и других замечательных мест, где наш волчок способен спрятаться. Сколько же километров нам прочесывать? На это могут уйти месяцы, и мне кажется, он не будет ждать нас на одном месте с распростертыми объятьями... или с оскаленной пастью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ответить Карина не успела. На кухню, зевая, ввалился Кузьма.

— Что вы в такую рань встали? — бесцеремонно хватая оставшийся на тарелке

бутерброд, удивился оборванец, — Я какие-то крики слышал, что это было?

— Волк сбежал, с картины который.

— Чего? — от неожиданности колбаса встала поперек горла, так что Кузя начал кашлять, крутясь на месте, словно вместо хлеба засунул в рот раскаленную железку. Крина изо всех сил забарабанила ему по спине, так что через несколько секунд паренек кашлял уже от нехватки воздуха в легких: обманчиво хрупкая девушка смогла полностью его оттуда выбить.

— Что слышал. Говорю же, эта гадость вырвалась в этом мир и благополучно покинула мой дом, воспользовавшись окном. Теперь вот мы с Кариной пытаемся понять, где его искать.

— Вы что серьезно? — удивился подросток. Еще полчаса ушло на то, чтобы Кузя перестал вертеть пальцем у виска. При виде картины мальчишка присвистнул и попросил вырезать что-нибудь для него. Ник страдальчески закатил глаза и пообещал отрезать подростку уши. Мол, они все равно ему без надобности:

— Повторяю. Читай по губам, если так не доходит: мы не психи. Эта тварь выпрыгнула из картины прямо на моих глазах.

— Нам надо найти его, — добавили девушка.

— А зачем? Пусть теперь распугивает местных белочек. Другое дело, если у него бешенство. Надо сообщить в какую-нибудь ветеринарную службу, они-то его точно поймают.

— Погоди, а это идея! — усмехнулся Никита, но подруга немедленно замахала руками:

— Нет, не идея. Я не могу заставить его прийти ко мне. Я могу лишь сама отыскать его. Поймите, этот волк — не просто зверь, точнее, не зверь вовсе. Думаю все эти клыки, когти, шерсть лишь одна из его личин. Он — посланник, не знаю, от кого. Но именно мне надо сделать шаг навстречу. Во сне я все время шла к волку, а он не двигался. И сейчас не время что-либо менять.

— Стой, но если у этого симпатяги, как ты утверждаешь много образов и форм, то почему он явился не в виде пушистенького зайчика или, скажем, антилопы? В конце концов, почему он просто не пришел тебе в виде человека. Какого-нибудь симпатичного парня вроде Ника? — скептически поинтересовался Кузьма.

— Ты когда-нибудь видел антилоп, которые ни от кого не прячутся, никого не бояться? Или, по-твоему, они бегают по полям и лугам оттого, что у них уйма времени? Он подстраивается под меня. Он знает, что свобода ассоциируется у меня именно с волками. Они такие... сильные и хрупкие одновременно, у них есть стая, семья, они верны ей. Знаете, что-то вроде идиотских сказочек про оборотней... Не знаю, почему именно волки вызывают во мне такую симпатию. Но при их упоминании, я всегда вижу перед собой громадное животное, способное разорвать глотку быку, которое сидит под луной и воет, будто у него что-то тяжелое на душе, что-то горькое. И мне хочется всегда сесть рядом с этим зверем, обнять, утешить, повыть вместе с ним, а не шарахаться, не хвататься за ружье, не затыкать уши.

Карина неожиданно улыбнулась. Ребята переглянулись, не понимая. Но у обоих неожиданно возникло чувство, будто они оказались на ледяном ветру совершенно голыми. Слишком неприятно было присутствовать при подобном обнажении чужой души.

— Ты помнишь то стихотворение? Мы с тобой как раз перешли в десятый. Ну, то, мы его еще нашли случайно в библиотеке, — вопрос художницы застал ресторатора врасплох,

но он осмелился кивнуть, — Как там говорилось? «Хоть руки не жжет серебро мне до зуда, и круглым остался зачем-то зрачок, ищу превращения, как бреда иль чуда, подняв свою морду опять на восток». Вот и мне нужно это превращение, это чудо.

И Никита вдруг вспомнил. Это стихотворение они с Кариной тогда откопали чисто случайно, пролистывая очередной сборник. Они как раз проходили поэтов начала двадцатого века. И им задали выучить одно произведение не то Цветаевой, не то Ахматовой (если честно, Ник до сих пор их путал). В библиотеке предложили на выбор столько книг, что ребята сначала растерялись. Они рассчитывали взять первые попавшиеся стихи. Но уже через несколько пролистанных страниц поняли: придется просматривать всю огромную стопку.

И вот в одной из книг им на глаза попался вдвое сложенный листок. Ник по привычке хотел откинуть его в сторонку, но тщательная во всем подруга не стала торопиться. Развернула, прошлась глазами по строчкам, после чего зачитала вслух. Он помнил его до сих пор. Даже название «Превращение», не забыл. Но очень уж оно было совершенно для него далеким, не трогающим сердца. Как оказалось, лишь до поры, до времени.

*С тобой превращаюсь я снова в волчицу
И золотом глаз все смотрю на луну.
А днем все расплывчатей кажутся лица,
И тихих шагов услышать не могу.*

*Хоть руки не жжет серебро мне до зуда,
И круглым остался зачем-то зрачок,
Ищу превращения, как бреда иль чуда,
Подняв свою морду опять на восток.*

*Мне серую шерсть не трепал на загривке
Проворнейший ветер в дремучем лесу,
Но скалиться, ой, как приятно в улыбке,
И небо держать до утра на весу.*

— И все-таки, — попытался вернуться к прежней теме ресторатор, — Как нам найти эту тварь, кем бы она там не была: посланником ли, или просто чудовищем? Ты говорила, что можешь попробовать связаться с ним.

— Да. Но он сейчас в этом мире, а не там, где-то в пределах картины. Поэтому мои сновидения уже нельзя использовать как портал между этой и той реальностями. Придется воспользоваться чем-то другим. У тебя есть карта города?

— Конечно, — Ник приступил к осмотру содержимого небольшой тумбы, стоящей в коридоре. Изредка до приятелей доносились его ругательства, а на полу с каждой секундой росла целая гора хлама.

«А я думала, это у меня бардак...», — отвлеченно подумала Карина, присоединяясь к «раскопкам». Дело не то чтобы пошло быстрее, только теперь извлекаемые наружу вещи, начиная старыми носками и кончая деталями от автомобиля, громоздились не одной свалкой, а несколькими поменьше. В одну сторону летели бумаги, в другую еще не

съеденная молью и временем одежда, за спиной у художницы быстрее всего пополнялась куча из разных металлических изделий.

— Ура! — наконец, выпрямляясь, выдал ее друг, — нашел.

В руках его появилась потрепанная, но еще целая карта. Сейчас же драгоценный кусок пергамента был возложен на кухонный стол, и все трое обитателей квартиры склонились над ним.

— Ну, и что мы будем делать? — поинтересовался Кузьма, окидывая громадное пространство, утыканное символическими елочками. По сути, город был полностью окружен лесом с редким вкраплением поселков городского типа, сел и деревенок. И откуда начинать поиски было совершенно не понятно.

— Сядем и начнем куковать, — хмыкнул Ник.

— В смысле? — сдвинул брови мальчишка.

— Ну, можно, конечно, по классической схеме: снимать штаны и бегать. Но мне кажется, что не стоит этого делать при девушке. Некрасиво получится.

— Заткнитесь оба! — неожиданно оборвала ребят Карина. Она внимательно обшаривала глазами каждый квадратный сантиметр карты, словно надеясь, что откуда-то из-за нарисованного деревца выбежит настоящий волк с желтоватым мехом. Волк выбегать и не думал, но при взгляде на северо-запад (ну, или в данном случае левый верхний угол), что-то внутри начинало властно и противно вопить. Пальцы задрожали сами собой, будто девушку только что сильно испугали, колени присоединились к сему неблагородному действию, и художница ни с того, ни с его шмякнула кружкой с недопитым кофе прямо на какое-то название:

— Он тут, — пробормотала она, приподнимая краешек посуды, — рядом с этим поселком... Красное Зарево.

— Ты...?

— Уверена, — кивнула Карина, поворачиваясь к другу, — Руку дать на отсечение не могу, она мне пока самой нужна, но другого шанса у нас все равно нет. Возможно, я выдержу в таком виде несколько недель или даже лет, но вот местные жители вряд ли потерпят рядом с собой хищника таких размеров. К тому же неизвестно, насколько он опасен для остальных, а мне бы не хотелось стать виновницей чьей-то смерти, так что...

— Поехали, — тряхнул головой Кузьма.

— Ты не поедешь, — решительно остановил его Никита, — По-хорошему, ехать надо только Карине. Но, учитывая, *какая* у нее машина и *как* она ее водит, мне лучше отправиться с ней. А ты пока, если заняться нечем, можешь обратно загрузить все в тумбочку.

— Но... — попытался возразить оборванец, окидывая тоскливым взглядом предстоящий фронт работ.

— Кузя, ты, правда, ничем нам не поможешь, — пытаюсь хоть как-то смягчить удар по самолюбию подростка, улыбнулась девушка, — Во всяком случае, в этом деле. Я понимаю, ты совершенно не боишься его, но будет лучше, если наша встреча с волком состоится без свидетелей. Если, вообще, состоится. Прости меня, что лишаю тебя права полезть в самое пекло, но сейчас не самый подходящий момент для пустого геройства.

— Я понял, — Кузьма тяжело вздохнул, и добавил, — Но дело не в геройстве. Я просто терпеть не могу уборку.

Лес начался совершенно неожиданно. Узкая дорога с многочисленными ямами и

горбами сделала поворот, и «монстр» Ника уткнулся передним бампером в обширный кустарник на ее краю. Пение птиц стало на порядок громче и звонче, словно раньше в ушах находилось по куску ваты. Владелец кафе заглушил мотор и повернулся к молчащей Карине. За всю дорогу она не проронила ни слова и только нервно покусывала губы, не отрывая взгляда от бокового окна.

— Ты уверена, что я не могу пойти с тобой? — с надеждой поинтересовался Никита. Художница только кивнула, — А где собираешься искать его?

— Я не собираюсь, он сам меня нашел, — ответила подруга. Парень послушно проследовал глазами за указующим перстом Карины и нервно облизнулся. Прямо на него из-за зеленых лап выглядывал золотистый хищник. Глаза его горели, а пасть вот-вот готова была распахнуться. Из глотки вырвался сдержанный рык, слышимый даже в наглухо закрытом автомобиле.

— Карина, погоди, — Ник едва успел поймать девушку, которая уже решительно распахнула дверь, — Ты ничего не хочешь мне сказать?

Она окинула друга совершенно бесстрастным взглядом, потом на мгновение задумалась, и все же выдавила сквозь стиснутые зубы:

— Позаботься о Кузе, пожалуйста. Найди ему семью или хотя бы отправь туда, где ему не придется голодать и скитаться.

— Я не том, Карина. Лично мне ты ничего не хочешь сказать? — особенно нажимая на слово «мне» переспросил Никита. Он видел, как в светлых глазах художницы плещется какое-то странное чувство, когда та смотрит на него. И дело было не в пресловутой любви, нет — здесь было что-то большее. Карина словно пыталась сказать: «Я доверяю тебе свою жизнь», — или как она сама говорила — существование. Но только сейчас Ник готов был полностью принять это самое существование и до конца своего собственного нести за него ответственность.

— Нет, лично тебе, — ничего.

Пальцы на рукаве Карины немедленно разжались. Удерживать ее больше не было смысла.

Стараясь не оборачиваться, девушка вылезла наружу, с силой захлопнув за собой дверь. Непрошенные слезы навернулись на глаза, мешая оборвать последние нити, связывающие ее с этим миром. Она должна без всякого сомнения идти вперед, к свободе, к обновлению, к движению. И художница не сомневалась в этом, как и в том, что буквально в трех метрах от нее стоит громадный волк. Зверь нервно переминался с лапы на лапу, а потом вдруг совершенно по-собачьи коротко гавкнул, и без предупреждения бросился наутек.

От такой наглости девушка на миг остановилась в ступоре, а потом бросилась вслед за волком. Хвоя мягко пружинила под ее ногами, ветви стегали по голой коже, пытаясь не то остановить, не то поприветствовать Карину. А хищник, будто издеваясь, не приближался, но и не удалялся, как бы не ускорялась художница.

— Погоди! — закричала она, из последних сил прибавляя шаг. Ей приходилось бежать за зверем, который, словно неуловимый мираж продолжал маячить впереди. То ли волк, и правда, послушался, то ли ему самому надоела эта бессмысленная погоня, но он вдруг круто развернулся и остановился. Бока его так и раздувались при каждом вдохе.

— **Что ты хотела, детка?**

— Ты ведь пришел забрать меня, так почему убегашь? Я готова хоть сейчас пойти за тобой.

— Ой, ли? — оскалился волк, пытаясь изобразить улыбку. Или, скорее, ухмылку. Слишком уж ехидным был его голос, звучавший раскатистым басом у Карины в голове, — **Ты собираешь бросить своих родителей, того щенка, что ты подобрала и Ника? Ты готова развернуться к ним спиной ради того, чтобы оставшуюся жизнь пробегать в волчьей шкуре?**

— Да, — голос Карины даже не дрогнул, хотя сердце беспокойно екнуло, как будто в него ткнули иголкой, и оно непроизвольно сжалось.

— **И ты готова оставить без возможности так же, как и ты, вдыхать вольный ветер и жить лишь по законам природы?**

— Да.

— **И ты способна прямо сейчас оставить за спиной все нерешенные дела? Начать все заново?** — голос буквально истекал сарказмом, будто свежая зарубка на березе — соком. Так что Карина, действительно, вдруг остановилась, подумав. Она ведь собиралась сама устроить Кузю. Неужели теперь ей можно просто так плюнуть на мальчика? А Ник? Сколько раз она говорила себе, что он просто ее друг, но разве оставляют даже «просто» друзей посреди того хаоса, что она навела?

— **Ты хотела взять жизнь в свои руки, стать ее хозяйкой. Я тоже очень хочу, чтобы ты присоединилась ко мне, поверь. А еще я хочу, видеть тебя свободной от обязательств и неоконченных дел. Поэтому, детка, сначала закончи их. А пока ты не готова. Да, и еще, —** волк поднялся на все четыре лапы, начиная пятиться по тропинке все дальше от Карины, — **Как только управишься, просто позови меня.**

Художница протянула руку, пытаясь коснуться желтоватого меха, но зверь стремительно развернулся и неожиданно растворился в воздухе, словно его никогда и не было. А она так и осталась стоять, чувствуя, как ее медленно тянет вниз. Ноги стали тяжелыми, и Карина незаметно для себя опустилась на землю.

Обратная дорога до дома показалась в три раза короче и в тоже время томительнее. Когда Ник нашел плачущую подругу в нескольких десятках метров от кромки леса, он не сразу понял, что произошло. Вначале у него возникла страшная мысль, что тварь ранила ее. Он бросился к Карине, обнимая за плечи и пытаясь одновременно осмотреть ее. Но кости были целы, ни крови, ни синяков видно не было, а слезы продолжали течь двумя неиссякаемыми ручейками.

— Карина, что с тобой? — следя за тем, чтобы голос не дрожал, прошептал парень. Одной рукой он пытался убрать волосы с лица подруги, а другой уже стягивал с себя куртку. Погода быстро менялась, и если рассвет был чистым, не задетым не единым облачком, то сейчас северный ветер нагнал их целые стада, старательно продувая тонкую рубашку Карины.

— Он меня... не принял, — выдавила она, еще пуще заревев, словно вместо слов выплюнула режущие осколки разбитого сердца. Ник прикусил губу, пытаясь скрыть совершенно неуместную улыбку. Это было не правильно, ведь подруга давно сделала выбор, ведь больше всего на свете она хотела стать волчицей. Но каждая минута, пока Карина оставалась в человеческом облике, была для парня ценнее прожитого им самим часа, — Он хочет, чтобы я доделала в этом мире все дела, и только после этого я смогу к нему присоединиться.

— Вот даже как! А этому волку не откажешь в некоторой иронии.

— Иронии? Да он просто издевается надо мной! — истерично взвизгнула девушка.

И дело было даже не в том, что ее мечта уходила прямо из-под носа. Художница отлично знала, что порой тернистый путь к цели бывает намного ровнее, чем бугристый участок, к которому ты стремишься. Сколько раз она вместо того, чтобы прыгать от счастья, когда очередное полотно было готово, принималась грустить. Потому что моменты самого творчества были безвозвратно окончены. Девушку не особенно испугало то, что ей еще немного придется побегать на двух конечностях вместо четырех. Но *как* она будет это делать?

Сейчас, когда перед ней сидел взволнованный и такой трогательный друг, Карина в очередной раз усомнилась: а сможет ли она отказаться от всего того, что предоставила ей человеческая жизнь? И эта неуверенность была сродни безумию, разрушая стройные ряды мыслей, заставляя сердце отчаянно прыгать в тесной клетке из ребер, а слезы непрерывно литься.

— Карина... — Ник неожиданно отпрянул от девушки, как-то странно глядя поверх ее головы. Его взгляд скользил по ее фигуре, как по ледяной горке, ни в силах зацепиться за нее, — Если я тебе кое-что скажу, ты можешь поменять свое решение...

— Лучше не надо, — почти неслышно прошептала в ответ подруга и тут же закричала, — Не надо, Ник, я прошу тебя — молчи! Я знаю, что ты хочешь сказать, я все знаю. Но одно дело, просто знать, а совсем другое — слышать. Так вот: я не хочу этого слышать. Мне и так не хватит решимости, так что не порти мне жизнь.

— Значит, этим я испорчу тебе жизнь?

Карина быстро кивнула.

— Хорошо, — бесцветным голосом отозвался ресторатор, первым поднимаясь с земли. Девушка двинулась следом, стараясь не смотреть на него. Черные глаза Ника бесцельно прожигали еловую хвою под ногами, пока они двигались к машине. Он был почти уверен в том, что художница не откажется выслушать его. Но... хотя, что можно было ожидать после утреннего разговора? Ему же четко указали на место на коврике, тогда как шикарную кровать заняла свобода во всей ее обжигающей наготе, с такой холодной кожей, с такими упоительно-прекрасными очами. И Карина теперь стремилась к этой обворожительной тетке, еще не понимая, что та повесит на шейку девушки пудовые гири. Волчья шкура, говорите? Ветер, запутывающийся в шерсти? Нет, дорогая моя Карина, меняя хрупкое человеческое тело на сильное волчье, не поменяешь самого главного...

Стоило друзьям ввалиться в гостиную, как к ним тут же бросился Кузьма. Художница едва успела схватиться за угол шкафа, прежде чем мальчишка сдавил ее в объятиях.

— Я думал, ты не вернешься! Ну что, вы его не нашли?

— Нашли, — мрачно сплюнул Никита, садясь на диван и подтягивая к подбородку ноги. Сколько раз ему говорили, что культурные люди так не сидят. Но когда ему становилось больно, он пытался принять именно эту позу. Защитная поза, обманчиво скрывающая тебя от всего мира, делая визуально меньше и морально устойчивее. Карина, наконец, отцепилась от подростка, юркая вслед за Ником. Ей было еще хуже. Она не могла даже сидеть, а легла, свернувшись калачиком и, положив голову другу на колени.

— Что вы такие замученные? — удивился Кузя, — Такое впечатление, что вам пришлось сюда пешком добираться. Эй, я с вами говорю! Карина, да объясни мне хоть что-нибудь.

— Потом, — слабо отмахнулась девушка, — потом.

— Да ну вас, — поняв, что большего от этой ненормальной парочки не добьется, оборванец решительно вышел из комнаты. Друзья остались одни. И хотя на душе у каждого было достаточно сомнений и боли, но оба предпочли молчать. Карине было приятно просто лежать, уткнувшись лицом в ладонь Ника, а ему — перебирать ее короткие волосы. И в этом они нашли если не лекарство от болезни, то, во всяком случае, обезболивающее на некоторое время. Тишина была ни натянутой, ни жуткой. Однако, в ней, если прислушаться, можно было уловить целые предложения. За окном медленно опадали последние цветы диких яблонь, небо, подобно странному животному шевелило мускулами — тучами, грозившими разразиться дождем. Его первые капли рассеяли тишину, сделав ее вмиг невыносимой. Именно тогда Карина приподняла голову и произнесла:

— Мне надо устроить Кузю.

— Он так сказал? — теперь вместо какого-то абстрактного волка Ник представлял вполне определенного, ставшего для него противником. Настоящим, безжалостным противником, отбирающим у него его лучшую подругу. Художница сморщилась, уловив в голосе ресторатора неприкрытую ненависть.

— Да. И он прав, я не могу начать новую жизнь, не окончив старую. Кузя должен быть счастлив, он имеет на это право.

— А я? — еще глуше, еще болезненнее, чем до того в лесу. И снова девушка почувствовала, как внутри начинает все гореть от этой горечи, — Или ты искренне считаешь, что я смогу быть счастлив без тебя?

— Ты столько лет был счастлив до этого, — попыталась парировать она. И это отчасти была правда. Во всяком случае, Карина никогда не видела друга страдающим, жалующимся на судьбу или окружение. Все у него было бело, сладко и замечательно, все напоминало столик в его же ресторане. Недаром же она так часто завидовала Никите. Ее-то жизнь не отличалась подобной стройностью. Если парень с первого дня их встречи вел свое существование под уздцы, словно послушного коня, то ей приходилось восседать на нем, пока упрямого скакуна вели другие, — Что поменяется, если меня не станет?

— Вот именно, до этого... — протянул в ответ Ник, — И ты зря думаешь, что все именно так, как кажется на первый взгляд. Я знаю, тебе это дико слышать, но я бы предпочел, чтобы за мной следили так же, как за тобой. Чтобы кто-нибудь хоть раз предложил: «Давай я поработаю вместо тебя сегодня в кафе, давай разгребу бумаги, давай я, в конце концов, чаю тебе заварю!». А вместо этого мне все приходится делать самому, но для чего?

— А разве не для себя? — Карина приподнялась, заглядывая парню в глаза. И снова в них появился этот странный, пугающий блеск. Художница невольно отпрянула от Ника, пытаясь одновременно понять ход его мысли. Для нее все было предельно просто. Нести ответственность за свою жизнь — это значит тоже, что быть счастливым. Никто не мешает лететь вперед, по той траектории, которую ты сам себе придумал: хоть в облака, хоть в преисподнюю. Не важно... Когда за спиной развиваются крылья, когда чувствуешь, что держишь в руках эту тоненькую ниточку судьбы и дергаешь ее по собственному усмотрению. Разве может кто-то хотеть отдать этот нежнейший волосок кому-то еще добровольно? Да, Ник, и, правда, говорил совершенно дикие для нее вещи, — Разве так плохо быть независимым от людей и обстоятельств? Конечно, я могу понять, что ты устал. Ты верно говоришь, иногда хочется, чтобы кто-то позаботился о тебе. Но позаботился, ведь не значит, начал вертеть тобой во все стороны.

— А я хочу, чтобы мной вертели! — не выдержав, вскричал ресторатор, — Мне надоело зарабатывать деньги для себя, жить ради того, чтобы жить... Это все равно, что крутиться юле просто чтобы крутиться. Замкнутый круг, из которого невозможно выйти. Пусть у меня отберут часть свободы, да хотя бы всю, но мне хочется видеть сияние глаз, восхищение, любовь. Что бы я мог опереться на чужое плечо, если понадобится или подставить свое. Это так страшно, каждое утро просыпаться одному в пустой квартире и понимать, что для меня, мне лично, ничего не надо... Я ведь могу просто целыми днями валяться на диване, я могу сутками не есть, ни спать. Мне совершенно плевать на то, умру я завтра или нет. Правда. Потому что планета, Карина, крутиться, а стою и не двигаюсь ни на шаг. Не для кого двигаться... Тебе некуда, а мне не для кого.

— Ник! — дверь хлопнула прежде, чем девушка успела остановить друга. Ее оклик столкнулся со стеной, отлетев обратно смятым, искаженным шумом. Художница не смогла даже шевельнуться, все равно ничего путного не выйдет. Где-то в глубине квартиры замолкли шаги, щелкнул замок. Карина покачала головой. Что ж, он тоже был вправе выговориться. Не все же ей скандалы устраивать.

Тучи за окном потихоньку начали светлеть, где-то на окраине неба появилась прореха, словно потертость в старом сером платье, обнажая голубую нижнюю сорочку. Карина по-прежнему сидела на диванчике в гостиной, с какой-то несвойственной ей настойчивостью пытаясь нагнать на себя полное безразличие. Несмотря на то, что Ник удержался от самых ранящих слов, словно в последний момент развернул лезвие меча плашмя, однако, даже такой удар оказался слишком сильным. Будто пытаясь ухватиться за вертялый хвост ящерицы, художница старательно повторяла про себя: «Я должна все изменить. Я закончу все и стану той, кем хочу», — но ее уверенность куда-то испарялась. Она не знала, кем на самом деле должна быть. В голове теснились галдящей толпой мысли, не давая Карине хоть как-то собраться. И встать она не могла не из-за того, что ноги тряслись мелкой дрожью, а просто потому, что совершенно не представляла, куда ей идти. И зачем...

Следующие два дня прошли, не оставив в жизни Карины никакого следа. Ее это, правда, совсем не расстроило. Девушка привыкла, что каждые новые сутки похожи на предыдущие. Как идущая мимо толпа людей в серых и черных одеждах. Иногда посреди процессии появлялся ярко одетый день, наполняя жизнь яркими красками. Но это было большой редкостью.

Первое время казалось, что Ник больше не произнесет ни слова. Он выглядел очень расстроенным и обиженным. Не то чтобы Карине сейчас хотелось слушать его обвинительные речи, но и молчание друга было невыносимо. Ник заговорил неожиданно, едва не доведя девушку до икоты посреди обеда:

— Что ты собираешься дальше делать? — ни упрека, ни прежней горечи. Только сосредоточенность и решимость. Как перед казнью. Карина пожала плечами, пытаясь выровнять дыхание. Ей бы не хотелось, чтобы парень увидел, насколько художница рада услышать его голос. Словно поток живой воды глотнула. На тон же она решила не обращать внимания.

— Ну, надо поехать в деревню к тетке Кузьмы, поговорить с ней. Я же не могу его никуда пристроить, пока у него есть официальный опекун. Думаю, встреча будет не из легких. Но она должна подписать документы. По факту она уже отказалась от племянника.

— Двоюродного племянника, — недовольно поправил девушку сам виновник разговора, до того усиленно делавший вид, что старательно рассматривает макароны в тарелке.

— Не суть важно, — отмахнулась Карина, — Ты, кстати, должен поехать со мной.

— Зачем? Я больше не хочу туда возвращаться! Я не для того сбегал, чтобы снова оказаться в этой дыре.

— Да, но мало ли что может взбрести твоей тетке... двоюродной тетке в голову. Она может решить, что мы мошенники, пытающиеся заработать на тебе деньги. Или, вообще, что тебя давно разрезали на органы, да только продать по частям без соответствующих документов не получается.

— Ты думаешь, ее сильно бы это сильно огорчило? — хмыкнул мальчишка, — Скорее, она потребует свою долю от продажи. Карина, неужели до тебя еще не дошло: волнуй ее моя судьба, она давно бы притащила меня обратно в деревню?! Тетка отлично знает, где меня искать. Прежде чем покинуть «родное гнездышко», я записку накарябал. Мол, так-то и так, уезжаю искать лучшей доли туда-то и туда-то. Единственное что, не нарисовал точное расположение моста, под которым собирался жить.

— Но зачем ты это сделал? — удивился Ник, — Проверка на вшивость?

— На чуткость. И не надо так на меня смотреть!

Карина, и правда, уставилась на Кузьму умоляющими глазами, сознательно представляя, какой это может дать эффект. Что-что, а жалостливый взгляд получался у художницы не хуже, чем у профессионального нищего.

— Кузенька, ты же не хочешь, чтобы она когда-нибудь опомнилась и решила вернуть тебя? Тогда тебе надо помочь нам, уговорить отказаться от опекуна. Могу себе представить, как тебе противно, но у нас нет другого выхода. По закону никто из нас не может усыновить тебя, пока есть люди, которые должны о тебе заботиться.

— Да я понимаю все, — пошел паренек на попятную, — но... она вредная. Очень. И

может потребовать моего возвращения. А если меня опять запрут в том доме, я просто не выживу. Здесь, с вами я впервые почувствовал, какой может быть жизнь. И даже не знаю, а бывает ли лучше? Я словно, наконец-то, проснулся и увидел, что за окном все цветное, а то, что было до того — это всего лишь черно-белый сон. Мне не хочется второй раз засыпать.

— Мы не позволим, — мягко улыбнулся Ник, — В крайнем случае, всегда можно обратиться в суд с заявлением о ненадлежащем обращении с детьми.

— Ага, после того, как вы меня тут раскормили, и я таким холеным сделался, — хихикнул оборванец, — При ненадлежащем, как ты выразился, обращении ребенок должен быть худым и замученным, с синяками и другими следами нелегкой доли.

— Ну, в таком случае, нечего тут на халяву трескать. А синяки, это, вообще, дело наживное, — усмехнулся в ответ владелец кафе, поднимаясь из-за стола. На подругу он даже не взглянул. Впервые Ник радовался тому, что у них есть еще одна проблема, кроме волка. Он мог забить ею голову и не думать ни о девушке, ни о пришедшем за ней посланнике. Последнее слово Ник практически сплюнул вместе с окурком, усаживаясь в свой черный автомобиль. Странная волна спокойствия окатила парня с ног до головы. Конечно, когда-нибудь они уладят дела с Кузьмой, но пока у него была, как минимум целая неделя, которую он проведет с подругой. До полного счастья не хватало лишь ее улыбки.

Тем временем квартиру Ника сотряс звонок. Художница решившая, наконец, заняться портретом Кузи, подскочила на месте и тихонько выругалась.

— Интересно, кого это принесло? — вслух выразил ее мысль «натурщик», — Не твои предки опять приперлись?

— Не знаю. Может, и они.

— Претворимся, что нас нет дома?

— Угу. А потом скажем Нику, что дверь сама снялась с петель. Судя по тому, что звонят без перерыва, именно так оно и произойдет. Пойду, лучше открою.

— Я бы на твоём месте сначала в глазок посмотрел. А вдруг это еще какой-нибудь демон по твою душу. А что?

— Иди ты! — помрачнела Карина. Но все же советом Кузьмы решила не пренебрегать. Прежде чем распахнуть дверь, она приникла к «глазку» сначала левым глазом, а потом, для верности правым. Честно слово, материализуйся на лестничной площадке настоящий черт, девушка и то меньше удивилась бы. Но вместо предположительного рогатого субъекта с хвостом там обнаружилась вполне безрогая Зойка. После их последней встречи хореограф писала, что дико занята и в ближайшие две недели никак не сможет увидеться с Кариной. И вот, на тебе! Впрочем, девушка была рада видеть Зою в любое время, — Привет!

— Привет, — просияла в ответ подруга, — Вот и долгожданный судья пришел. Так что ты мне показать хотела?

— Уже ничего, — от такого ответа Зойка на мгновение опешила и снова ткнула пальцем в звонок. Больше истязать свои уши Карина не позволила, решительно убрав ее руку подальше от злополучной кнопочки, — В общем, предупреждаю сразу, ты мне не поверишь.

— Ты сначала объясни, что все-таки произошло, а я уж сама решу, верить или нет. А то ишь ты, какая выискалась!

Карина неопределенно сощурилась, впуская Зойку в просторный коридор. Сейчас же туда сунул нос любопытный Кузьма. Заметив незнакомое лицо, та не растерялась, мгновенно протягивая парнишке руку:

— Зоя, а ты кто?

— Кузя.

— О! А откуда будешь, Кузьма?

— С помойки, — не удержался оборванец, в качестве подтверждения своих слов ожесточено почесав маковку. Подруга фыркнула, обращаясь уже к Карине.

— Откуда сие чудо?

— С помойки. Точнее, из подъезда. Я его встретила, когда от тебя последний раз уходила. У меня цепочка порвалась, Кузя ее нашел и мне вернул. Ну, в общем, я решила его в гости пригласить.

Зойкина бровь стремительно приподнялась. Художница явно что-то не договаривала. Поэтому, когда обе девушки оказались в гостинной, Зоя не удержалась от нового вопроса:

— погоди, так он что, попрошайка?

— Нет, карманник, — поправила Карина. Легче от такого уточнения гостю явно не стало. Она даже кинулась было обратно в коридор, проверять, не пропало ли у нее чего-нибудь. Так что Карине пришлось насильно придержать ее за рукав и на полтона тише прошептать, — Даже не смей! Он самый хороший паренек из всех, что я видела. Уж извини меня, но твой умничка Павел с ним рядом не стоял. Да, когда я его впервые увидела, он больше всего походил на попрошайку, на воришку из тех, что стоят в переходах и просят у «дядечек» и «тетечек» деньги, якобы на пропитание больных родителей. Но, во-первых, родителей у него нет. А во вторых, будь Кузя таким же, то не стал бы отдавать золотую цепочку стоимости больше трех тысяч. Он был такой... грязный, запущенный, с торчащими ребрами. Но при этом не жалкий, а полный достоинства. Даже от денег отказался, когда я ему предложила.

— И тогда ты притащила пацана к Нику? — продолжила Зоя, — Ну, мать, ты даешь! Я, конечно, не сомневалась, что у тебя сдвиг по фазе, но что бы такой! И что ты дальше с ним собираешься делать?

— Сначала поговорю с его родственниками, пусть пишут отказную или как это еще называется. А потом Никита будет договариваться. У него на работе один мужчина мог бы усыновить Кузю. А если ничего не выйдет, Ник согласен сам стать ему... отцом?

— Угу, а ты будешь доброй и заботливой мамашей, так что ли? — Зойка уселась в кресло, продолжая с недоверием коситься на дверной проем, как раз туда, где висела ее куртка.

— Нет, не буду, вздохнула Карина, — Именно ради этого я тебя и позвала. Думала, правда, ты приедешь раньше. Но... в общем, я сейчас все тебе по порядку объясню.

На то, чтобы прояснить всю сложившуюся ситуацию, у художницы ушло не более десяти минут. Зато Зое пришлось переваривать услышанное не менее получаса, пока она, наконец, не выдала:

— Тебе надо к Лерке!

— Она, конечно, врач, но не психиатр, зачем мне к ней? — удивилась Карина, в очередной раз заворачивая свою «Осень» обратно в тряпку. Сидящая напротив Зойка в ответ подпрыгнула на месте, словно кто-то пырнул ее снизу шилом, и пророкотала:

— Да при чем здесь психиатр?! Она же у нас любительница сказок. Не сомневаюсь, что в какой-нибудь очередной книжке, хранящейся у нее дома, может обнаружиться информация о тварях, подобных твоему волчку. Как ты там говоришь? Он посланник? Вот и будем искать любые сведения о посланниках, посланцах, засланцах и иже с ними.

— Я думала, ты мне не поверишь, — не удержалась от усмешки Карина. То ли она обладала уникальным даром убеждения, то ли была настолько несведуща в переплетениях чужой психики, но все ее знакомые не начинали с порога крутить пальцем у виска, а внимательно выслушивали до конца. Правда, у девушки был весомый аргумент. Сначала в виде зверя на картине, а теперь довольно большой дырки идеально повторяющей контуры волка.

— Отчего же? — в свою очередь хмыкнула гостя, — Почему ты так уверена, дорогая моя, что твоя старая, потрепанная жизнью подруга не может верить в чудеса? Разве сам факт того, что я до сих пор влюбляюсь, как наивный подросток не говорит за это? А ведь, по идее, мне давно пора было забыть о мужчинах, потому что их просто-напросто нет. Ходящие по улицам двуногие таковыми считаться не должны. Seriously, ну что ты смеешься?

— Встречаются в пустыне и страусы, — не удержалась художница, едва не покатываясь со смеху. Честно слово, если бы провидцы сдавали экзамен на профессиональную пригодность, они бы все завалились на одном и том же задании: предсказать, что в следующее мгновение ляпнет Зоя.

— Ага. Только страусов больше, чем мужчин. Красавцев, милашек, симпатяг, ответственных папаш и беззаботных приятелей, но не мужчин. Да, собственно, и с женщинами тоже самое. Что должна уметь женщина?

— Стирать? — предположила Карина, — Готовить? Крестиком вышивать?

— Балда. Женщина должна уметь вертеть нелюбимым и быть настоящим тылом любимому. А не стелиться коврой дорожкой под каждую пару ноженек в штанах из дорогой ткани. А вот мужчина должен, в свою очередь должен беречь и уважать любимую.

— А с нелюбимой как быть?

— Ну, ее можно просто уважать, — пожала плечами Зоя, — Мужчина должен брать ответственность не только за себя, но и за свой дом, своих друзей, свою семью и даже своих врагов. А что у нас выходит? Баба тебе и пашет, и дом держит, и мужа каменной стеной едва ли не огородит. А если надо, то и на врагов сама пойдет, пока он будет сидеть в тенечке и давать ценные указания.

— Слушай, ну хорошо. Допустим, настоящих мужчин осталось столько же, сколько уссурийских тигров. Приведи мне хоть один пример такого вот «тигрика», — Карина уставилась собеседнице прямо в глаза. Ей вдруг неожиданно пришла в голову весьма подозрительная мысль, и девушка хотела получить либо подтверждение, либо опровержение. И, кажется, не ошиблась...

— Да тот же Ник. Чем тебе не пример? Сам себя сделал, что называется. И ресторан у него, и квартира, и машина. К тому же не всякий парень пригласит к себе в дом, мягко говоря, неадекватную подругу, приютит совершенно незнакомого оборванца. И не озвереет и сам не станет психом. Вот ты бы так могла? Если бы у тебя не было твоего замечательного одноклассника? Нет, мать, не смогла бы. Ты бы испугалась ответственности, начала бы придумывать самые различные причины, чтобы в подобные истории не влезать.

— Но я же не мужчина, — парировала Карина.

— Нет, но ты человек. Такой же, как он или я, или Кузя. И ему тоже может быть больно, страшно, он может сомневаться в чем-то, в том числе и в себе самом. Но при все этом... — Зоя развела руками, словно пытаясь объять ими весь результат душевных мук Ника, хотя, естественно, имела в виду она не только два кресла, небольшой диванчик и книжный шкаф, а гораздо большее. Художница задумчиво куснула губу, и в который раз надолго замолкла,

увлеченная собственными переживаниями.

— Так что, когда собираешься ехать к Лерке, — вспомнила о своем предложении хореограф, — Просто я должна быть в курсе, когда мне собираться тоже. Одна ты в любом случае не поедешь. А то только тебе на голову сыплются добрые волчки и настоящие мужчины. Мне тоже хочется, так сказать, приобщиться к прекрасному.

— Он не одобрит, — произнесла Карина. Потом сообразила, что Зоя не совсем разобралась, кого она имеет в виду, и добавила, — Ник не одобрит, что я пытаюсь хоть как-то возобновить поиски волка. Он и так... не в себе после их встречи. Только сегодня утром начал говорить, а то просто ходил по квартире, как тень и молчал. Знаешь, иногда мне очень хочется стать телепатом. Не таким, который постоянно слышит у себя в голове чужие мысли, а самой по желанию в них влезать. Будь мы на такое способны, возможно, стало бы меньше самоубийств, просто убийств, грабежей, насилия, непонимания...

— ...Или люди начали бы шарахаться друг от друга и вместо того, чтобы резать в темных переулках, стали бы травить слишком рьяных читателей на официальных приемах со слащавой улыбкой, — продолжила за девушку Зоя, — Хотя, с другой стороны, преступность бы, действительно, сократилась. Ведь где столько яда возьмешь?!

— Очень смешно, — скрестив руки на груди, пробурчала Карина. Нет бы, и правда, подсказала ей какую-нибудь ценную идейку, а только и может, что все опошлить, — Я же за Никиту волнуюсь. Это не детские игры, когда малышей можно развести по разным углам, если они начнут драться. А если с ним что-то произойдет? Да, волк сказал, что не причинит Нику вреда, но если тот сам полезет к волку, ведь его ничего уже не спасет. Эта тварь крупнее любого настоящего зверя! Хотя дело не только в размере. Он умен, способен влиять на разум, да кто знает, на что еще?! Когда я окажусь рядом с волком, Ник очутиться в безопасности, а до тех пор я просто не имею права подвергать его подобному риску.

— Значит, поедим к Лерке тогда, когда твоего приятеля не будет дома, — заключила Зоя.

— И куда это вы собрались? — в комнату вошел Кузьма, попутно покусывая увесистый бутерброд, — Мне Ник сказал, чтобы я тебя без присмотра не оставлял. А то он мне лично голову открутит, а вместо нее вставит большую лампочку, и будет использовать вместо торшера.

— Он что, так сказал? — изумилась Карина, никак не ожидавшая от тихого и спокойного ресторатора подобной грубости. Впрочем, она многого от него не ожидала. Правда, мнение девушки о Никите этого не меняло.

— Не-а, не сказал. Но, судя по выражению его лица, так дело обстоит и будет, — размазывая майонез по носу, охотно отозвался мальчишка, — Только не говори, что это мое субъективное мнение! Сразу предупреждаю, мне такие заумные слова непонятны. Ты совершенно не знаешь своего друга. При тебе он совсем другой, намного, хм, сдержаннее. Я тут предложил добровольно отдать тебя волчку. Типа, от нее все равно никакой пользы. Конечно, в шутку. Но Ник пришел в такое состояние... это был не просто гнев, а самое настоящее бешенство. Никогда не думал, что от живого существа может исходить такое! Меня словно в раскаленную печь сунули.

— Зачем ты это сказал?! — рявкнула художница. Оборванец только головой крутанул, да удобнее перехватил громадный кусок ветчины.

— Хотел проверить его реакцию. Конечно, Каринка, я тебя никуда отдавать не собираюсь: ни волчку, ни белочке, ни косолапому медведю. Но вот пользы от тебя,

действительно, никакой. И соображалка на нуле. Тут к тебе гостя пришла, а ты ее даже чаем не напоила. По счастью, у тебя есть незаменимый я, не только имеющий мозг, но и умеющий им пользоваться. Так что прошу, дамы, обед готов.

— Ну, я тебе, — только и смогла в ответ выдать Карине, потом махнула рукой и поспешила вслед за пареньком.

— Так куда вы ехать собрались? — повторил свой вопрос Кузя. На этот раз ответила ему Зоя, уже не косившаяся на мальчишку, а глядящая на него с уважением. Обед и, правда, выглядел весьма внушительно. Пока подружки болтали, Кузьма успел согреть чайник, нарезать колбасу кружочками и сыр полосочками. Даже салат какой-то настрогал, по вкусу напоминающий «Оливье».

— Мы решили посоветоваться с одним знающим человечком. Она, конечно, не профессор и даже не кандидат в мастера спорта. Но зато Лерка прочитала за свою жизнь столько фантастики и древних мифов, что без сомнения могла бы защитить диссертацию на тему «Анализ особенностей болотных кикимор в отечественной и зарубежной литературе. Взгляд оптимиста». И мне кажется, она может нам кое-что раскопать про посланников вроде нашего волчка.

— Как ты сказал? Ник приставил тебя за мной следить, так ведь? — неожиданно развеселилась Карина. Подросток кивнул, отодвигаясь к выходу, чтобы в случае чего быстро смыться с места боевых действий, — Значит, ты поедешь с нами. И мы получим то, что хотим, и я останусь под наблюдением твоего недремлющего ока.

— Да, кажется, я рано сделал вывод о твоей соображалке, — довольно усмехнулся Кузя, — Она у тебя не на нуле. У тебя на нуле чувство самосохранения...

— Почему? — приподняла бровь художница, и тут только заметила, что у нее дымиться рукав. Черт, совсем забыла о включенном газе, и едва не сунула в него локоть! Отдернув руку, девушка едва потушила начинающую тлеть ткань, старательно потряхивая в воздухе конечностью.

— Да вот по этому, — почти неслышно произнес Кузьма. К счастью, на это не обратили внимания, иначе бы мальчишка точно не избежал бы участи стать торшером.

Лера принадлежала к тому типу людей, которые ничего не делают вовремя и умудряются опоздать даже туда, куда, по идее, опоздать совершенно невозможно. Некоторые подруги не раз посмеивались над ней: «Лерка, наверно, и свою свадьбу пропустит!».

«Это если она до того жениха не проворонит. Ведь какой же нормальный парень будет ждать девушку более часа?», — ехидно добавляли другие.

Каждый раз, собираясь на работу, Лера ужасно волновалась, по тысяче раз проверяя и перепроверяя, все ли она положила в сумку, в многочисленные мешочки и пакеты, которые брала с собой. Действовала она при этом обстоятельно и очень медленно. А потом поменяла тактику, перенесла часовую пытку на вечер. Теперь она успевала на работу, иногда даже являясь заранее, чем очень гордилась, каждый раз замеряя до секунды сэкономленное время. Не то чтобы от расторопности Леры зависели людские жизни, зато она влияла на размер заработной платы. А для девушки это было куда важнее. Возможно, устроится Лерка на работу в городской здравпункт, цинизма в ней поубавилось. Но... пост младшей медсестры в частной клинике не располагает к жалости и состраданию.

Что касается книг, то они занимали особую страницу ее биографии. Когда все приличные дети в возрасте пяти — шести лет начинали разбирать слова по слогам, она лишь морщила носик и просила почитать кого-нибудь еще. Убедить упрямого ребенка было практически невозможно. Но, как нам всем известно, есть несколько заведений, где работа с населением проводится по принципу «не можешь, — научим, не хочешь — заставим». Таким вот заведением и стала для Леры, нет, не армия — школа. Стоило девочке пойти в первый класс, как она немедленно прекратила воротить нос от малопривлекательных текстов, словно приклеиваясь к ним глазами.

К пятому классу Лера прочитала всю школьную программу по литературе на три года вперед, не считая многочисленных внеклассных произведений. К десятому она прочитала все, что находились у нее дома, после чего начала скупать бесценные на ее взгляд произведения целыми стеллажами. К четвертому курсу личная библиотека девушки была больше, чем библиотека ее родителей, собираемая тремя поколениями.

Но только после института Лера окончательно прикипела душой к фантастике. Она и очередной томик с яркой обложкой стали настолько неразлучны, что Леру уже перестали воспринимать без одного как личность. Стоило подруге появиться где-то без книги, все знакомые потрясенно качали головами и немедленно набрасывались с вопросами, что с ней и не заболела ли она?

Кроме обычных романов, девушка тащила из магазинов и с развалов энциклопедии, сборники легенд, публицистическую литературу о древних культах и всевозможных мифических тварях.

А еще Лера любила рассказывать о прочитанном. Ее повествования никого не оставляли равнодушными. Естественно, кто же останется равнодушным, если ему перескажут тысяче страничный трактат о гномах, колдунах и прочих «фольклорных элементах»? Что-что, а подобного рода информация никогда не исчезала в голове Леры бесследно. На память она и так никогда не жаловалась, на зрительную, тем более. Она помнила почти до последнего знака препинания все диалоги, до каждой засохшей травинки все описания природы. Хотя, не думаю, что кто-то способен забыть черты любимого человека или рисунок обоев в своей

спальне. Для Леры фантастика была и тем и другим в одной ипостаси.

Именно на это и рассчитывали подруги, подъезжая к дому девушки. Кузьма пыхтел что-то на заднем сидении, но Карина не обращала на это никакого внимания. Она вся сосредоточилась на ощущениях, пытаясь не то окончательно уйти в себя, не то раствориться в красках и звуках. Ярчайшая листва берез, более темная — сирени, поросль трав стежков за стежком вышили на фоне лазурного небосвода свою картину шелком и атласом. Солнце растеклось по нему капелькой желто-оранжевой, слепящей акварели, и каждая веточка, каждая пылинка впитывали эту акварель, сами загораясь изнутри. Кое-где, словно осколки светила расцветали одуванчики. Сунешь нос в такую звездочку, и он станет желтым, обсыпанным пылью. В полет поднялись многочисленные насекомые, изредка залетая в салон машины, так что Карине приходилось отмахиваться от осы или пчелы, перепутавшей ее светлую макушку с цветком.

— Ты вкусно пахнешь, — после очередного боя с полосатой нарушительницей спокойствия в ходе которого художницу успели ужалить, пояснил мальчишка, — Вот они и летят к тебе.

— Ага, по-твоему, запах елового леса — это новый писк моды у пчел, так что ли?

— Не знаю. Я их пристрастий точно не разделяю. Слишком он холодный какой-то и приставучий, как смола. Слушай, Карин, ты точно по ночам спишь?

— А что? — с осторожностью поинтересовалась жертва пчелиного произвола, стараясь не расчесывать горящую ранку.

— А то у меня такое ощущение, что ты втихаря елки рубишь, иначе как объяснить то, что ты вся ими пропахла?

— Не, ты не прав, — глубокомысленно изрекла Зойка, — Она елки не рубит, она у нас сама елка. Серьезно, по гороскопу друидов.

— Не елка, а сосна, — огрызнулась Карина, отворачиваясь от хихикающих друзей. Кажется, Кузьма с ее подругой нашли не только общий язык, они, вообще, нашли друг друга. Девушка сощурилась, вылавливая последнюю мысль и начиная ее тщательно вертеть со всех сторон. И так увлеклась, что едва не пропустила совершенно серьезный вопрос:

— ...поворачивать?

— Что?

— Куда, говорю, поворачивать? Я у Лерки один раз всего была, сейчас не вспомню, где тот поворот.

— Направо, — по инерции махнув влево, ответила художница. Зойка внимательно проследила за ее указующим перстом, шумно выдохнула и закатила глаза, так и не тронувшись с места.

— Конкретнее, — попросила она через секунду.

— Слушай, я тут что подумала, — неожиданно выдала Карина, — ты ведь у нас вроде как официально замужем?

— Ну, да, если это так назвать можно! — хмыкнула хореограф.

— Может, ты тогда сможешь взять Кузю себе, — продолжила художница.

— Я бы взяла, честное слово, но нужно еще согласие моего... мужа.

— Хочешь, я этим сама займусь?

— О! Это было бы просто прекрасно! Тебя он всегда уважал. Не думаю, что если муженек за два года совместной жизни со мной не изменился, он это сделает за шесть с половиной без меня, — усмехнулась подруга.

История ее бракосочетания могла войти в список самых нелепых событий начала века, если бы все было не так грустно. Будучи еще молодой и неопытной, Зойка встретила некоего субъекта (имя которого она до сих пор без дрожи произносить не могла), который сумел каким-то образом довести ее до такого состояния, что девушка окончательно расслабилась и вместо намеченного: «Шел бы ты!», — на предложение руки и сердца ляпнула: «Да». Воспользовавшись невменяемым состоянием Зойки, субъект сделал ее своей женой, а через два года — неврастеничкой. Ну не мог он понять ее веселого нрава, открытой души и любви к прекрасному. К категории «прекрасное», правда, относились не только живописные полотна, балет и милые поделки, но и другие мужчины. Но ведь никто не вправе запрещать смотреть не только себе под ноги, но и по сторонам! Тем более взглядами все и ограничивалось. Шутки, типа: «Косоглазие наживешь!», — постепенно превратились в угрозы, а потом и ощутимые затрешины. Любая другая женщина поохала, поахала и предпочла бы завязать себе глаза, но не Зоя. Стоило мужу в очередной раз наорать на нее, она собрала вещи и уехала. Он не стал ее догонять, упрашивать, умолять вернуться. Но и развода не дал. Так Зойка и осталась с позорной печатью в паспорте. Позорной потому, что за ней не стояло ни любви, не семьи, ни детей. Ни даже общего дома.

С тех пор Каринкина подруга перестала вообще открывать свою красную книжицу, начав в кои то века нормально вертеть головой. А потом и вовсе забыла о тех потерянных двух годах.

— Кузя, ты согласен стать моим сыном, — обернувшись к мальчишке, подмигнула она.

— Надо подумать, — рассудительно ответил оборванец, — Но, если так и дальше пойдет, я соглашусь, а то еще немного, и Карина отдаст меня первому встречному.

— Что? — вслед за Зойкой потянулась назад художница.

— Э, да ладно тебе, — замахал подросток руками, — Успокойся, я же не серьезно. На самом деле было бы здорово, если бы у меня была такая мать.

— Да я бы уж постаралась быть хорошей матерью!

— Угу, доброй и заботливой мамашей, — не удержалась от шпильки художница, — Просто какой-то курятник, одни наседки собрались.

Но Зойка уже не слышала ее, она поворачивала налево, погружившись с головой в мысли о материнстве.

Звонок в дверь оказался для Лерки такой неожиданностью, что она даже подскочила на месте, схватившись за сердце. Потом ругнулась вполголоса и только после этого пошла открывать незванным визитерам. Стеклышко «глазка» исказило лица стоящих за дверью практически до неузнаваемости, вытянув их и одновременно сделав плоскими. Что не помешало Лере опознать своих знакомых. Но радости, впрочем, не прибавило. Если к художнице девушка относилась вполне дружелюбно, и только из-за того, что та мастерски умела рисовать разнообразных мифических персонажей, то Зоя вызывала у нее лишь раздражение и зуд. Дабы не начать нервно чесаться при гостях, Лерка осторожно пару раз провела ногтями по рукам и бедрам и, наконец, распахнула дверь.

— О, девочки, какая неожиданность! — попыталась внести в дежурную фразу как можно больше любезности хозяйка. Карина переглянулась с подругой, предоставляя слово.

— Мы к тебе с деловым предложением, — немедленно принялась за исполнение возложенной на нее миссии Зоя, — Ты же у нас занимаешься мифологией?

— Ну?

— Вот мы хотели у тебя кое-что спросить.

— Проходите, что ли, в таком случае, — вяло отозвалась Лерка, впуская девушек в небольшой коридорчик. Вслед за ними будто из ниоткуда протиснулся худощавый паренек, едва заметно кивнув в знак приветствия.

— Это мой... двоюродный брат, — пояснила Карина, заметив удивленный взгляд, — Кузьма.

— Зрассьте, — расплылся в подозрительно-дружелюбной улыбке вышеуказанный.

— Так по какому вы вопросу? Неужто встретили в лесу обросший ствол дерева и решили, что это леший? Или, может, вам русалка пригрезилась?

— Хватит издеваться, Лер, — мрачно оборвала Зойка, — Ты знаешь что-либо о посланниках?

— О ком?

— О симпатичных волчках, являющихся к порядочным девицам во снах и соблазняющих их сменить человеческое тело на серую звериную шкуру.

Лерка было открыла рот, дабы сказать еще что-нибудь саркастическое, но слова застряли поперек горла, когда Карина неожиданно достала из тубы большущий рулон холста и одним движением развернула его перед ее носом. Первые несколько секунд хозяйка квартиры молча взидала на картину, на яркие кроны берез, на голубое небо, потом перевела взгляд на дыру посредине и пробормотала:

— Что это?

— Это моя картина. Когда я ее рисовала, все было в порядке, но стоило мне закончить, как в этом углу начали вырисовываться очертания волка. Сначала это было похоже на забавное переплетение веток, затем краска начала сереть, все больше напоминая зверя. В то же время меня начали мучить жутко реалистичные сны с его участием. А несколько дней назад волк сбежал. Просто-напросто выпрыгнул из картины. Я видела его в лесу, говорила с ним. Он сказал, что пришел именно за мной, чтобы сделать подобной себе, после чего с легкостью растворился. Вот мы и пришли выяснить, нет ли в твоих книгах что-нибудь о подобных существах.

Выражение лица художницы было настолько честным и решительным, что Лера невольно отошла от картины, пятясь в сторону кухни:

— Надо посмотреть. Вы пока посидите тут, а я пока полки обследую, хорошо?

— Отлично! — подхватила Зоя, — А кофейку у тебя не найдется?

— Там, в шкафу, — ткнула пальцем куда-то в сторону мойки хозяйка, немедленно исчезая за двойными дверями библиотеки. Гости остались в гордом одиночестве, ничуть по этому поводу не жалея. Никогда не унывающая хореограф быстро отыскала не только банку порошковой отравы, но и в дополнение к ней пакет молока и даже пачку неплохого печенья.

— Жуть! Это же надо такое держать у себя дома, — пробормотала она, обращаясь к друзьям, — Надо же, не цикорий. Хотя учитывая, сколько Лерка на книги денег тратит, удивительно, что у нее вообще есть в доме съестное.

— Слушай, Зой, — к поискам еды подключилась Карина, не выдержавшая напряженной атмосферы прошедшей встречи, — Я тут вот что нашла, может, чаю сделаем?

— Покажи! О! Коньяк, пять звезд. Угу, причем три пририсованные. Ладно, подруга, надеюсь, для моего организма он не так опасен, как та муравьиная кислота в баночке.

— А как же машина? — встревожился Кузьма, — Ты ведь за рулем?

— Окольные пути еще никто не отменял, это раз. А, во-вторых, половина чайной ложки

— это доза максимум для комара. А я, если ты заметил, буду несколько крупнее.

Карина улыбнулась, щелкнув выключателем электрического чайника. Тут же были найдены три кружки, вполне удовлетворивший даже взыскательные запросы Зои чай, и гости уселись за стол, дожидаясь хозяйку. Время тянулось настолько медленно, что не выдержала даже художница, первой наливая себе коньяка в кружку. На первый раз, действительно, не более чем ложку.

— Э, куда без меня! — опомнилась ее подруга, перетягивая к себе всю бутылку. Повернула к себе этикеткой, внимательно вчиталась, и тоже немного отлила себе.

— А мне нальете? — просунулся между девушками оборванец. Обе уставились на него так, словно он плюнул в могилу. Причем, в их собственную.

— Ладно, но только немного. Все-таки он не наш, — смиростивилась Карина. При упоминании столь прискорбного факта, Зоя не удержалась, вздохнула, и налила еще. В итоге, когда чай был готов, подруги уже всюю щебетали о каких-то мелочах. И даже не заметили, как со стола пропала сначала вожденная бутылочка, а потом на кухне материализовалась ее законная владелица. В отличие от них, Кузя не забыл о цели визита.

— Так, значит, кое-что я все-таки нашла, — с порога объявила Лера, шлепая по столу истрепанным фолиантом, который, судя по виду, был ровесником ее бабушки, — Э, что с вами?

— С нами? — осоловело откликнулась художница, — С нами все в полном порядке.

— С коньяком тоже, — поспешно заверила вторая гостья.

— Да вижу уже, — вздохнула библиофилка со стажем, — Так вы будете слушать, или нет?

— Конечно, выкладывай.

— Значит, вот что. Судя по описанию этот твой волчара не что иное, как разновидность одной из видов джиннов. Ну, или точнее, даже не джиннов. Не знаю, как тебе это объяснить. В общем, он может принимать любые формы, обличия, проникать в сны и видеть любые человеческие желания.

— И какова его цель?

— Все зависит от того, кто его хозяин. Это часть чьего-либо разума, начинающая жить по своим законам. Сейчас, я зачитаю. Так, где же это? — Лера быстро начала листать страницы, так что у девушек начало рябить в глазах, — Вот, нашла: «И когда у двух людей частота пульса входит в резонанс, когда их биоритмы начинают дополнять друг друга, когда появляются сходные мысли, когда даже электромагнитные импульсы мозга начинают совпадать, чувства одного из них, его потаенные желания отчуждаются от него самого, становясь совершенно отдельным существом...».

— Значит, надо найти того ненормального, которому принадлежит эта тварь, и заставить загнать свою собачку обратно! — хмыкнул довольный мальчишка.

— В том-то и дело, его создатель может даже не знать о нем. Или жить, скажем, в Австралии! Правда, такой вариант маловероятен по одной простой причине.

— По какой? — оживилась Зоя.

— Если бы хозяин посланника жил в таком отдалении, тот не смог бы появиться на картине. К тому же Карина, рисуя ее, должна была сама думать о нем. Ведь это существо является только тем, кто связан с создателем. И тем более, раз волк стал материальным, как вы утверждаете, то связь должна быть очень близкой. Кровная, любовная, любая.

— Но почему же он пришел именно ко мне? — непонимающе сдвинула брови

художница, — Его и Кузя видел, и я, и Ник. Почему он хочет сделать меня волчицей? Да и, вообще, он способен ли?

— Не знаю. В книге говорится лишь о том, что он рано или поздно осуществляет все желания того человека, к которому пришел. Но порой делает весьма своеобразным способом. Скажем, если ты хочешь разбогатеть, то в лотерею вряд ли выиграешь. А вот неожиданно устроиться на работу, где будут платить больше, вполне сможешь, — растеряно пояснила Лера. Ей самой все казалось каким-то странно нереальным, еще более нереальным, чем даже сюжеты любимых произведений. Девушке очень хотелось протереть глаза, чтобы убедиться: это не розыгрыш и не мистификация. Как живой перед ее глазами стоял громадный волк, золотистая шерсть переливалась на его спине и боках, словно он был весь облит медом.

— Лера, — прикосновение к руке живо вернуло хозяйку квартиры обратно к гостям, смотревшим на нее, как умирающие на лекаря, — А если я найду хозяина волка, и все ему расскажу, что от этого измениться?

— Все. Посланник перестанет быть неосознанным явлением. Стоит тому, кто продуцирует его, осознать, что волк находится в его голове, как посланник потеряет свою волю, жизнеспособность. Станет не более чем обыкновенной выдумкой.

— Ясно, — кивнула Карина, первой вставая из-за стола. Вслед за ней выползла в коридор Зоя, успевшая выслушать на порядок больше, чем подруга, а посему покачивающаяся при каждом шаге. Увидев такое безобразие, Художница подхватила хореографа под локотки, быстро обулась и вытолкала ее за дверь, — Пока, Лера, спасибо тебе за все!

— А, не за что! — усмехнулась та в ответ, — Если что-то случиться, обращайтесь.

— Обязательно.

Все трое быстро шмыгнули в лифт, который немедленно полетел вниз. Естественно, что Зою в таком состоянии за руль никто не пустил, так что честь добираться «окольными путями» выпадала Карине. К счастью, хореограф спорить не стала, молча отдав ключи и усаживаясь на заднее сидение. И только когда машина выехала со двора, она все же не удержалась, и спросила:

— Карин, так все-таки что ты решила? Ты будешь искать его владельца или нет?

— Хороший вопрос, Зоя, очень хороший, — пробормотала в ответ девушка, — Знать бы мне только самой на него ответ...

Едва открыв дверь в квартиру Ника, Карина услышала, как тревожно звонит в гостиной телефон. Путаясь в сложной шнуровке сапог, она буквально влетела в комнату, на ходу подцепляя трубку.

— Алло?

— Можно я к тебе подъеду, — без предисловий начала звонившая мать. От такого напора, все еще не совсем трезво соображающая художница поспешно кивнула, запоздало поняв, что мама этого не видит.

— Да, да, конечно! — пытаюсь больше не кивать, не менее энергично заверила родительницу Карина, — А зачем?

— Ну, как же! Я же должна знать, когда состоится твоя свадьба!

— Свадьба?! — девушка на мгновение потеряла дар речи, потом вспомнила о походе в «ЗАГС» и охнула: совершенно из головы вылетело. Особенно после того, как они с Ником несколько дней не разговаривали, — Ты знаешь, а свадьбы...

— Конечно, приезжайте. Нам еще так много надо обсудить, все эти церемонии столько хлопот приносят, — Карина безвольно отпустила руки, позволяя Никите врать дальше. Как друг смог пройти в комнату незамеченным, да еще и успел выхватить телефон до того, как она начала сопротивляться, было совершенно непонятно, — Несомненно, вы правы. Я хочу, чтобы эта свадьба стала самым счастливым событием в жизни вашей дочери. Ну, то есть, первым из самых счастливых, я хотел сказать. Хорошо, я как раз собирался устроить себе выходной, так что мы оба будем вас ждать.

— Ты с ума сошел?! — стоило парню положить трубку, как художница накинута на него с кулаками.

— Это ты явно сбрендила! Зачем ездила к Лерке, а? И не надо на меня так смотреть, Зоя мне все рассказала, пока ты тут пыталась довести свою мать до инфаркта. Я ведь знаю, что ты хотела сказать. Что свадьбы не будет, так ведь? И как ты собиралась объяснять, почему так вышло? Что ты отказалась? А, может, что это я тебя бросил, в последний момент сбежав, как трус.

— Но ведь ты даже не собираешься на мне жениться, — опешила девушка. Темные глаза стали еще черней, напоминая настоящие колодцы в самую преисподнюю. И чего он так злиться? Неужели из-за того, что они с подружкой немного выпили? — Ник, я не понимаю, зачем ты так?

— Да потому что... О, боги, и послал же вы мне такое наказание: влюбиться в совершеннейшую дуру!

Парень обессилено плюхнулся на диван, стискивая руками виски. Карина осталась стоять, часто моргая глазами. Где-то на кухне раздавались голоса спорящих Кузьмы и Зойкт.

— Ник?

— Что, Ник? Что? Неужели ты настолько слепая или глухая, чтобы не понять такой элементарной вещи. Да, сначала я думал только о спасении твоей шкуры от родительского гнева, вот и ляпнул, что первое в голову пришло. А потом понял, что это судьба. Что я, действительно, этого хочу. Большой свадьбы и замечательной жизни с тобой.

— Но я не хочу! — рывкнула художница, сама испугавшись своего голоса, однако, ее решительность никуда не делась, — Я не хочу. Ты меня спросил об этом? Начинаешь

распоряжаться моей жизнью, и даже не удосужился узнать: что я думаю? Никакой речи о свадьбе и быть не может. Завтра же я поеду в деревню вместе с Кузей. Потом мы с Зойкой оформим опеку, и я в тот же миг уйду к волку, и стану волчицей, а ты... Видеть тебя не хочу!

— Правда? — спокойный, ироничный взгляд еще больше пугал, — Видеть меня не хочешь? Что ж, вали на все четыре стороны. Надеюсь, чемоданы соберешь сама или тебе помочь?

— Сама.

— Вот и отлично. Я, кстати, только за документами заскочил, так что мне уже пора. До свидания, волчица! А что касается этого разговора и остальных предыдущих, то просто о них забудь. Только прежде чем начинать жизнь с чистого листа, не забудь на старом все ошибочки подтереть. Желаю удачи!

Никита усмехнулся, быстрым шагом покинув комнату, пока девушка пыталась хоть немного прийти в себя. Она никак не могла поверить ни в то, что Ник только что наговорил, ни тем более, что после этого так спокойно выставил ее из квартиры. То ли сам не верил, что она решится и, правда, уйдет. То ли у него была еще какая-то причина, о которой Карина не догадывалась.

— Чего вы раскричались? — в проходе нарисовалась фигура Кузьмы. У паренька были расширенные от ужаса глаза. Художницу вдруг зашатало, она не удержалась и с размаху ухнула на пол, пытаясь сдержать подступающие рыдания. Стоило Карине оказаться в сидячем положении, как оборванец тут же кинулся к ней. Он дергал девушку за плечи, пытался успокоить, но та словно обратилась в камень, ни на что не реагируя.

— Жизнь с чистого листа... — наконец произнесла художница, — Мы уезжаем, Кузя.

— Куда?

— К твоей тетке. Ты хорошо помнишь, где она живет?

— Ну, да. Но ты так и не сказала, чего вы с Ником так друг на друга кричали. Что произошло?

— Все произошло, Кузя. Но главное, что все это скоро закончиться, да, закончиться.

Первое, что увидела перед собой Карина, проснувшись — сплошная пелена туч, из которых сыпал мелкий частый дождь. Словно воду лили через мелкое сито, причем, судя по глубоко-свинцовому оттенку горизонта, оно в любой момент могло не выдержать, и тогда бы на головы горожан вылилось бы целое ведро. В такую погоду не то, что собаку из дома пожалеешь гнать: таракана оставишь, если даже наглый рыжий дармоед окажется сидящим на твоей тарелке. Так же подумала и художница, ограничившись визгом и несколькими нецензурными словами. Сейчас же послышалось буханье шагов, и в кухню влетела хозяйка пруссака, а заодно и всей квартиры, Зойка.

— Чего орешь? Рань какая, спать еще и спать! — судя по растрепавшейся косе и помятой ночной рубашке, именно этим подруга и была занята до сих пор. Карина завидовала ей: стоило девушке смежить веки, как перед ними начинали проноситься вереницы картин. Так что у Зои был шанс очнуться от душераздирающего вопля часов, эдак в двенадцать ночи! Но двери между комнатами были толстыми, а Зоин сон никогда не отличался чуткостью.

На сей раз, кошмар был настолько реалистичным, что Карина оказалась сидящей на полу, даже не вспомнив, как там оказалась. После чего она так и не смогла мужества хоть на час прикрыть глаза. И вот стоило художнице кое-как выползти из комнаты уже около семи,

как ее голосовые связки ждало новое испытание в виде большущего насекомого, с императорским спокойствием восседавшего на тарелке с пирожками.

— А что это тут делает?! — брезгливо ткнула пальцем Карина в незваного гостя.

— Не обращай внимания, наверное, опять из своей банки сбежал. Удивляюсь, как он это делает, — пожала в ответ плечами Зоя, по инерции включая один из телевизоров, — Вообще-то, у меня давно никаких тараканов нет. Вот после предыдущего владельца их столько было, ты даже представить себе не можешь. И, главное, такие все толстые, гладкие, маршировали тут прямо как солдаты из казармы в столовую, ну, то есть на кухонный стол из своих щелочек. Я их, естественно, сразу начала травить, комнаты зимой проветривала, чтобы эти поганцы от холода скончались. В итоге, чуть я не скончалась от переохлаждения и всякой химии. Потом плюнула на все это дело, ровным слоем на их пути налила клея. За две недели они у меня все приклеились! А кто не приклеился, тот сам сбежал. То ли отечественный клей им не по вкусу пришелся, то ли поняли, что я сдаваться не собираюсь, не знаю. Короче говоря, остался только один. От намазанных полосок он шарахался, от тапок — тоже. Пришлось ловить вручную. А убить не смогла. Вот ты не поверишь: рука не поднимается, хоть ты тресни! Смотрю на него, ну чисто мой бывший муж — такой же наглый, с усами и по утрам любит кофе пить. Кстати, именно в кружке я его и выловила, чуть не сварился. С тех пор он в баночке у меня живет. Такая вот грустная история. Так чего ты вскочила?

— Я больше не могу спать, совсем. Думала, что после того, как волк из картины сбежал, мне больше не придется слоняться по дому, словно потревоженному зомби. А он опять сегодня пришел.

— погоди, ты же вроде его перестала бояться? — присаживаясь рядом с художницей, Зоя двумя пальцами приподняла насекомое, почти мгновенно разжимая пальцы. Таракан с тихим шлепком упал на дно стеклянной банки, с обидой дернул усами и принялся доедать кусочек мяса. Как ни странно, но вид обжорливого пруссака не вызвал в Карине никаких отрицательных эмоций. Даже наоборот, желудок ее заурчал все громче, а рот наполнился слюной. Ничего удивительного: последний раз она ела вчера у Лерки. А после того, как Ник выставил девушку на улицу, о еде даже и мысли не появилось. Художница не стала долго думать. Возвращаться домой означало для нее тоже, что снова сесть под замок. Только теперь, она не сомневалась, родители ее даже в магазин на пять минут не отпустят, опасаясь нового исчезновения дочери. К тому же, по идее, она сейчас должна быть по макушку занята приготовлениями к свадьбе. Интересно, что же все-таки Никита скажет ее матери? Какое очередное вранье придет ему в голову? Карине оставалось только гадать, потому что позвонить другу, а тем более маме у нее не хватало духу.

— Кто тебе сказал такую ерунду? От того, что я знаю теперь, зачем пришел этот зверь, легче мне не стало. Я не знаю, кто его создатель. Кто продуцирует волка в этот мир?

— Значит, ты все-таки настроена на поиски владельца?

— Да. Не обязательно рассказывать ему об волке. Возможно, даже наоборот, лучше будет, если мы не будем втягивать его в этот кошмар. Но узнав, кто он, я лучше пойму настоящие мотивы самого «джинна». Ты же слышала, что сказала Лерка: подобные посланники действуют не прямо, они пытаются добиться своей цели исподтишка, через ряд ложных ходов. И если все так, меня могут ожидать вовсе не свобода и волчья шкура, а что-то еще. Что меня совершенно не устроит. Понимаешь?

— Да уж, кто может поручиться, что тварь создал не псих какой-нибудь? Нормальному

человеку такое точно не придет в голову. В конце концов, ничего плохого не случится, если ты узнаешь имя своего благодетеля. Да и, вообще, это даже интересно. Лучше всякого детектива!

— Ага, — хмыкнула Карина, — Для вас это не больше чем очередное приключение! Только вы понять не можете, что на самом деле — это жизнь, моя жизнь. Конечно, вам же не сняться кошмары, после которых вы боитесь даже глаза закрыть! Вы не трясетесь от каждого упоминания о волках, желтом цвете и от тысячи других упоминаний!

— Карина, ну, погоди. Я понимаю, что тебе страшно, особенно теперь, когда мы знаем, что эта тварь пока не добьется своего, не успокоится, если ее вовремя не развеять. Но ведь она выполнит твои желания, разве это не прекрасно?!

— Вот именно, Зоя. Она может выполнить любое мое желание. Любое... пять минут назад я хотела, чтобы твой таракан оказался миражом, два дня назад, чтобы со мной наконец Ник заговорил. А месяц назад, когда этот волк появился, я хотела умереть. И какое, как ты думаешь, из этих желаний примется выполнять янтарный волк? Хорошо, если он наострил уши не на то, чтобы загнать меня в гроб, а если именно на это?

— Ну, дорогая моя, чего же ты тогда переживаешь? — спокойно пожала плечами Зоя. Поняв, что выспаться ей все равно не дадут, она решительно взялась за приготовление завтрака, — Развела тут панику. Может, Карина, это и есть лучший для тебя выход. Еще немного, и ты сама или из окна выбросишься, или еще что-нибудь сотворишь.

— Издеваешься? — округлила глаза художница, пытаясь понять, серьезна Зойка, или у нее очередной приступ черного юмора.

— Прикалываюсь, — поправила та Карину, — А чего ты так на меня смотришь?

— Я жить хочу!

— С каких это пор?

— С тех самых. С тех самых, когда Ник меня в дом пригласил, когда я Кузю встретила. Не знаю, как это объяснить. Но сначала они пытались меня расшевелить, а теперь я расшевелилась так, что остановиться не могу. Мне захотелось вновь писать картины. И не чтобы время занять. У меня появилась потребность. Если раньше я стремилась к волку от безысходности, то теперь хочу получать удовольствие от жизни, наполнить ее чем-то новым, неизведанным.

— Слушай, Карина. Во сейчас внимание: никаких шуток! — несмотря на предупреждение расплылась в улыбке Зоя, — Что именно ты испытываешь к твоему дорогому ресторатору, а? Я же знаю, что весной из тебя невозможно ни капли позитива выжать, а уж чтобы отвлечь от мысли о никчемности существования и мечтать нельзя. Я не думаю, что Никита — настолько гениален, чтобы мрачную жабу в твоей душе обратить в прекрасный цветок. Он же не Элиза из сказки о братьях-лебедях. Возможно, у него целая гора терпения, и он мог бы, как она молча сплести двенадцать рубашек из крапивы. Но ведь кроме терпения в нем должно быть и еще что-то. Что?

— Честно? — опустив глаза, вопросом на вопрос ответила Карина. Подруга утвердительно кивнула.

— Клянусь тебе, если бы я его хоть немного любила, как мужчину, то сразу бы призналась ему в этом. Да и тебе тоже. Но он больше, чем просто возлюбленный. Он друг, с которым легко говорить, с которым чувствуешь себя правильно. То, что я испытываю — это признательность, это преклонение перед ним, как перед личностью, это любовь к нему, как к личности. И это самая высшее чувство из всех. Это та разновидность любви, которая ни

слепа, ни глуха, и, главное, она не угаснет после того, как закончиться запас гормонов в организме. Ник смог меня вытащить на свет потому, что сам его нес, а не тыкал в ближайший фонарь. Такие вот дела, Зочка.

— Хорошо, если все так. И раз ты, мать, выползла-таки из пещеры на ясно солнышко, надо и дальше продолжать движение в том же духе. Когда ты настроена ехать в деревню с Кузей?

— Я хотела прямо сегодня, но, как видишь, погода не позволяет. Даже если дождь через пару часов кончится, раньше чем через два дня мы не сможем двинуться. По нашим дорогам не то, что после ливня, в сухую-то пору проехать невозможно! К тому же мне кажется, Кузя сам к этому не готов, хоть и храбрится. В общем, никаких особых планов у меня пока не созрело, так что распоряжайся мной, как хочешь.

— Вот и отлично! Значит так: приготовь-ка мне обед на десять персон, вымой полы и постирай все накопившееся белье за неделю. Это для начала, а потом... И нечего на меня так смотреть, сама же сказала, что ты в моем полном распоряжении!

— Ну, Зоя, я же серьезно!

— Ага. Именно из-за твоей серьезности ты и попала в такую заварушку. Дорогая моя: в жизни ко всему надо относиться с максимальной легкостью, при этом полностью сознавая ответственность за принятые решения. А вместо этого большинство людей сначала полагается на случай, а потом впадает в долгосрочную депрессию из-за всякой ерунды. Ты думаешь, я совершенно безалаберная и легкомысленная?

— Да нет, — попыталась солгать Карина. Хозяйка квартиры обдала ее ледяным взглядом, заставив невольно покраснеть.

— Не надо сейчас притворяться, говорить мне в угодку. Я не первый день на свете живу, и даже, представь себе, не второй. И мне прекрасно известно, мнение моих родных и близких. На самом деле каждое мое действие выверено до миллиметра. Прежде чем уйти от мужа, скажем, я думала об этом три месяца, все взвешивала, словно на аналитических весах. Другое дело, что я не стала из этого делать трагедию. Расстались, значит, так мне нужно. И раз решение принято, то оно окончательное, и страдать по этому поводу я уже не имею права. Знаешь, что я думаю? Раз у нас с тобой есть, по крайней мере, пара дней, мы можем за это время выяснить, кто хозяином волка. А то мне как-то не улыбается тащиться потом в конце похоронной процессии, пока твое тело будут впереди нести в белых тапочках. Слишком много тебе почести!

— Все это, конечно, замечательно. Есть только одна маленькая проблема: как мы это сделаем?

— Можно опросить всех твоих друзей и родителей, попытаться понять, кто у нас настолько заботливый.

— А у меня другое предложение, — в кухню, как всегда, не здороваясь, ввалился Кузя, — спросить самого волка. Ведь ваша знакомая ничего не сказала о том, знает ли сам волк о своем хозяине? Думаю, Каринка, тебе придется во второй раз пойти с ним на переговоры.

— Не выйдет, — покачала головой художница, — он приходил ко мне во сне и четко сказал, чтобы я его больше не искала. Требуется разобраться со своими делами, и только тогда он сам явится.

— Значит, составляй план действий. И, так сказать, вперед и с песней! — здраво рассудила Зоя. Ребятам ничего не оставалось, как согласно вздохнуть. Карине казалось, что

ее повязали по рукам и ногам. Крепче, чем раньше, когда она жила дома. Теперь у нее нет выбора: как с покупкой лотерейного билета. Еще не зная, выиграешь ли или нет, ты сначала выплачиваешь его стоимость, отмечаешь на нем какие-то комбинации цифр, несколько дней ходишь на нервах, пока в какой-нибудь газете не опубликуют результаты розыгрыша. Вот только данный билет оценивался не деньгами, да и сам выигрыш нельзя было после обменять на купюры. Оставалось лишь ждать: что же ей выпадет?

Они въезжали в огромное село. Уютные одноэтажные домики в нем соседствовали с двух, трехэтажными особняками за высокими заборами. Пасторальную картину нарушали лишь асфальт, больше напоминающий этакий памятник криворуким дорожникам и группа пьяниц, покачивающаяся у обочины.

— Нам сюда, — Кузьма поморщился. Просторы малой родины не вызывали в нем никаких чувств, кроме желания смыться подальше. Зоя осмотрелась, зигзагами проводя машину между двух широченных ям, и вывернула руль вправо.

Улицы сменяли одна другую, отличаясь лишь количеством лающих собак. Слева показались золоченые купола местной церквушки. Как сразу же стало понятно девушкам, здание из белого кирпича было одним из двух мест, где население коротало время. Вторым «местом сбора» был сельский клуб, не менее громадный, и словно бы в противовес церкви, выстроенный из темного камня.

— Если бы так везде было! — мечтательно выдохнула Зойка, — Нагрешил — тут же можно пойти и облегчить душу покаянием. Не то, что у нас в городе: два храма и несколько десятков увеселительных заведений. Никакого равновесия! Не удивительно, что мы оказались со всей своей цивилизацией в такой, мягко выражаясь, яме.

Карина устало улыбнулась в ответ на тираду подруги. Вечный мировой баланс — еще одна, по ее мнению, дурацкая идея из разряда земли, покоящейся на трех китах. Если бы таковые существовали, собственно, как и пресловутый баланс, никаких войн и болезней, уносящих тысячи жизней, не было. Как и миллионеров с нищими. Все-таки, несмотря на то, что девушки были одного возраста, видимо, Зочка впитала в себя коммунистические идеалы равенства и братства. А вот художница, как ни странно, относилась ко всему этому с приличной долей скепсиса. Если какой-то баланс в этом мире и был, то он явно распался с появлением человека. И начался на свете Хаос, беспорядок, в котором кто-то успевал урвать свой кус, а кто-то нет.

В отличие от девушек, Кузьма большую часть дороги молчал, не горя желанием делиться своим мнением. Да и вообще, его сейчас занимали не глобальные вопросы мироустройства, а вполне житейские. Он боялся того, что кто-то из соседей узнает его, боялся показаться на глаза тетке. Как пройдет их разговор с Кариной? Художница казалась ему хрупкой, как пластинка льда: грубо с ней обойдешься, — разломится на части, да и от чрезмерной ласки растаять может. А тетка никогда не отличалась деликатным отношением к людям. Не дай бог, начнет либо кричать, либо на жалость давить. И тогда, вообще, неизвестно чем все может кончаться.

Так или иначе, а пути к отступлению у подростка не было. Зоя продолжала нелегкий путь к дому Кузьмы. Хотя мальчик никогда не считал его своим. Свой дом должен охранять, приносить ощущения защищенности. В него человек возвращается с радостью, а не с мученическим выражением на лице. На какое-то мгновение у Кузьмы возник соблазн ткнуть пальцем в соседнее, пустующее здание. А потом сказать, что, наверное, тетка уехала куда-нибудь. Но совесть не позволила. Обе подруги столько километров сегодня преодолели, столько вечеров просидели, обсуждая план дальнейший действий, что оборванец не мог так поступить с ними.

Зоя не пожалела денег на междугородние звонки, часами разговаривая со своим мужем.

Уже по тому, с каким «энтузиазмом» она садилась за телефон, становилось понятно, насколько велика цена будущего материнства. После трех суток переговоров Зойка добились-таки успеха, но была настолько истощена морально, что даже улыбка победителя вышла у нее какая-то неубедительная (возможно потому, что была несколько перекошенной).

— Так, и где ты живешь? — этого вопроса подросток ждал уже около десяти минут, но услышав его, наконец, все равно затрясся от страха. Не за себя, а за этих двух ненормальных, которых сейчас выгонят вшаей, в лучшем случае. А он? Он уже привык жить здесь и не думал, что его жизнь после побега изменится. Те же тычки, подзатыльники и недовольное: «Шел бы ты, погулял!».

— Вот тот, — палец, словно прутик в руках кладоискателя помимо воли указал на нужный дом. Снаружи тот выглядел вполне прилично. Деревянное основание в свое время обложили кирпичом, чтобы защитить от преждевременного разрушения. Черепичная крыша казалась облитой кровью или вишневым соком и даже поблескивала в лучах солнца. Несколько крепких сараев, как птенцы, сбившиеся в кучу, теснились к жилью. За ровным забором красовался палисадник с множеством цветов. Правда, вид у растений был не ухоженный. Петунии, розы, люпины и другие культурные растения делили почти на равных территорию с мать-и-мачехой, одуванчиками и мышиным горошком. И, кажется, еще пару лет, и сорняки полностью задавили бы их.

Машина притормозила как раз напротив калитки. Первой из нее выбралась, хлопнув дверцей, Зоя. Художница немного замешкалась, пытаясь вдеть руки в рукава летней кофточки. Не гоже являться пред очи незнакомой женщины в одном топе. Кузя нехотя вывалился из салона, хлопывая себя по всем карманам. Мальчишка ничего не забыл, но надо было срочно хоть как-то замаскировать нервную дрожь, от которой руки ходили ходуном.

Три ступеньки, ведущие к крыльцу, негодуя проскрипели: «Лишний, пришлый, лишний!» Или это только показалось Кузьме? Друзья переглянулись и, не сговариваясь, одновременно вздохнули. Карина неуверенно коснулась ладонью двери, потом осторожно стукнула по ней сжатым кулачком. Долго ждать ее не заставили. На крыльцо, обдав девушек негодующим взглядом, вышла невысокая бабенка старше их не более чем на два-три года. Правда, понять это можно было, лишь приглядевшись к ее глазам: молодым, не подернутым мутной пеленой усталости от жизни. Достающие до плеч не то пепельные, не то плохо вымытые русые, волосы были забраны в пучок. Никаких излишеств ни в одежде, ни в макияже: простое платье, поверх которого был надет засаленный фартук, домашние шлепки, в которых можно и дома ходить, и в огороде копать. В общем, ничего примечательного, но и ничего ужасающего. Ни на пьяницу, ни на наркоманку женщина похожа не была. И пахло от нее только свежим супом и копченостями. Только вот выражение лица женщины отпугивало лучше всяких миазмов. При виде сведенных бровей и злобной ухмылке Карине захотелось немедленно развернуться и сбежать вниз.

— Здравствуйте, — тетка первой нарушила молчание, скрестив руки на груди и продолжая попытку уничтожить непрошенных гостей взглядом. Не вышло. Зоя приветливо растянулась в самой нежнейшей из улыбок и, протянув руку, представилась:

— Я — Зоя. А это моя подруга — Карина. Мы хотели с вами поговорить насчет вашего племянника, Кузьмы.

— Двоюродного племянника, — скорее по привычке поправила женщина. Стоило

хореографу произнести заветное имя, как всякая злость убежала с лица, — Где он? Что вы о нем знаете? Он жив?

— Я здесь, — понуро высунулся из-за спины художницы блудный отрок. Теперь у него не только руки тряслись, но еще и уши начали нестерпимо гореть. По лицу тетки сбежала слеза, а потом она неожиданно плюхнулась на колени, пытаясь одновременно воздеть руки к небу и обнять оборванца за талию.

— Господи, да как же так?! Кузенька, дорогой мой, прости меня! Прости меня, мальчик мой, дуру грешную.

— Да ладно, — затравленно озираясь по сторонам, пробормотал паренек, — За что прощать-то тебя?

— Это из-за меня ты из дома родного сбежал. Слепая я была, словно кто глаза мне закрыл... Прости меня, век прощения вымаливать буду. Я же ведь поверила, что тебя уже в живых нет!

— Погодите, как вас там? Что значит, нет в живых? — непонимающе заморгала глазами Зоя, пока ее подруга старалась поднять на ноги ненормальную бабу. Но та изо всех сил сопротивлялась, цепляясь за вновь обретенного племянника. В итоге не выдержав такого напора, Кузя сам повалился на пол, цепляясь за лавочку.

— Давайте присядем, что ли? — сипя от натуги, предложила художница. Женщина закивала, самостоятельно поднимаясь на ноги и усаживаясь рядом с гостями.

— Э... — пошла на второй заход Зоя. Кузьма недовольно толкнул ее в бок, привлекая внимание. Девушка наклонилась к нему, внимательно выслушала его шепот и продолжила, — Екатерина Анатольевна, объясните нам, наконец, почему вы думали, что Кузя мертв? Какие у вас были основания так полагать?

— Какие-какие? Обыкновенные. Он же, как сбежал-то, так я немедленно обратилась в милицию. Ну, вы же знаете тамошних людишек, пока им на лапу не положишь, они и чесаться не станут. Особенно здесь, в глуши, где самое большое преступление — кража поросенка у соседа. Развили бурную деятельность, затаскали меня по всем инстанциям, кучу бумаг заставили подписать. На этом их трудовой пыл весь закончился. Пришлось самой за все браться. Мы с мужем начали всех в деревне опрашивать, кто что видел или слышал. Не мог же мальчишка, словно кошка какая, без вести пропасть, и чтоб никто ничего подозрительного не заметил. Выискался тут один свидетель, Хрупыч. У самого руки-ноги целы, здоров, как бык племенной, а только и делает, что целыми днями шляется по деревне, на хлебушек просит. Знаем мы этот хлебушек!

— Так что этот Хрупыч сказал? — попыталась подвести женщину ближе к теме Карина.

— Да что он мог сказать? Видел, как Кузя садился в электричку до города. Конечно, мы сначала ему не поверили. Мало ли, может, он нашего мальчика с кем-то перепутал с похмелья. К тому же, у Кузи денег совсем не было, так что билет он купить не мог. Всех проводников опросили, к начальнику вокзала сходили. Никто про ребенка ничего не знает. А потом к нам родственники приехали, молодая пара. На отдых. Угу, хорош отдых: по полгода в позе рака на грядках стоять! Ладно, опять я не о том. Короче, зашли они ко мне, девчонка со мной когда-то дружила. И говорят: видели нашего Кузю в электричке! Мы с мужем в тот же день поехали сами в город. Но сами понимаете, одно дело в пределах родной деревни искать, а совсем другое — в таком-то муравейнике. В общем, долго мы бегали, хоть какие-то зацепки искали. Нашли, наконец, тех бомжей, у которых он последнее время жил. Там один деловой такой мне прямо в лицо засмеялся да говорит: «Нет у уже вашего

племянничка. Он, почитай, с неделю как умер!». И остальные тоже кивают. Только и смогла от них одного добиться, что пошел мой Кузенька куда-то, да так и не вернулся. А ежели не вернулся, они сказали, то дело гиблое: или загребли в милицию, или умер. Но так как их самих никто не трогает, значит, вероятнее второй вариант. И что мне-то, горемычной, делать оставалось? Ни креста, ни могилы даже не осталось... Прости меня, Кузя...

Екатерина Анатольевна вновь обрушилась на пол, истово крестясь и целуя оборванца то в колено, то в руку, то в наклоненную маковку. Пришлось подругам во второй раз ее утешать. Карина быстро сбегала в дом, принесла воды с сахаром. Все наперебой убеждали, что лучше средства для успокоения нет, хотя на самую художницу оно почему-то не действовало. Решив, что исключения только подтверждают правила, девушка притащила почти полную кружку, объемом в литр. Двоюродная тетка Кузи немедленно присосалась к живительной влаге, как истосковавшаяся по крови пиявка. И только, когда посудина почти опустела, женщина соизволила поднять на друзей глаза.

— А вы, сами-то кто?

— Понимаете, я приютила Кузю у себя, пообещав, что устрою его, — промямлила художница.

— Как это — устрою? У него семья есть, все законно, официально? Куда это вы мое мальчика пристраивать собрались, а?

— Вот об этом и хотели с вами поговорить, — вмешалась Зоя. Она была намного решительней подруги, мгновенно отесняя ту себя за спину, — Я, то есть мы с моим супругом хотели бы усыновить Кузьму.

— И на каких же это, позвольте спросить, основаниях? Я пока не собираюсь от него отказываться.

— Мы понимаем ваши чувства, — осторожно произнесла Карина, — Но просто не можем оставаться в стороне, когда ребенок сам сбегает от своих родственников, несколько месяцев живет в каких-то сараях, недоедает, и у него нет ни документов, ни возможности даже помыться. Когда я его встретила, он больше походил на скелет, который годами держали в шкафу: худой, грязный со ссадинами и синяками. Остаться равнодушной к такому было просто невозможно!

— Да, я была не права, я мало уделяла ему внимания! — возмущенно подбоченилась Екатерина Анатольевна. Сам виновник спора тем временем медленно уползал по лавочке к порожкам, чтобы в случае чего недалеко было бежать до ближайшего укрытия, — Мне надо было зарабатывать, кормить его чем-то. В наше время даже хлеб бесплатным не бывает, а к нему порой еще и маслица хочется.

— Не надо прикрываться бедностью, чтобы скрыть черствость, — хмыкнула в ответ художница, — приведу вам один пример. У меня есть друг. Он всю жизнь пахал, для того, чтобы жить по-человечески. Когда в школу ходил — помогал матери. Она продавщицей работа и шила на дому платья. Пока мать за прилавком стояла, он пуговицы пришивал да резинки вставлял. Когда в институт поступил, вечерами подрабатывал официантом. Потом кучу сил вложил в открытие своего кафе. Но он никогда не отмахивался от друзей и родных, и тем более не допустил бы того, чтобы его ребенок ушел из дома, как побитая собачонка. Я понимаю, вы устаете, понимаю и то, что Кузьма вам не родной сын. У вас нет тех материнских чувств, что прочно сковывают мать и дитя. Но вы женщина! А любая женщина — это хранительница очага, это сосуд, в котором храниться нежность и понимание. Не уже ли раздавать затрешины приятнее, чем прижимать к себе, утешать, ласкать? Не надо

смотреть на то, что ему уже четырнадцать. Возраст не имеет значения. Каким, скажите, каким человеком, мужем, отцом вырастет тот, кого в детстве постоянно шпыняли? Кем вырастет тот, кто видел рядом с собой лишь пьяниц, воров, хулиганов, бездельников? Да, в деревне жить тяжелее. Да, здесь совершенно другие условия. Но вы, вы — его единственный родной человек, а он бежит от вас, как от врага. Я предлагаю вам сделку: вы отдаете мне Кузю, пишете отказную или что там еще потребуется. А я в свою очередь обязуюсь помочь вам, чем смогу. Работой, жильем, деньгами.

— Ты сбрендила, мать? — округлив глаза, прошипела Зоя. Но Карина так и осталась стоять, как до того Екатерина Анатольевна, так же прожигая собеседницу взглядом. Дипломат из нее вышел не важный, но сейчас, чувствовала девушка, не время дипломатии. Наоборот, надо говорить все на чистоту. Пусть ее слова прозвучат резко, но это не тщательно высчитанные фразы, а сама боль, идущая от сердца. И если в сидящей на лавочке женщине еще сохранилась хоть капля сострадания, она должна откликнуться на них.

— А если я запрошу слишком большую цену? — ощерилась в притворной улыбке тетка Кузи, — Неужели у вас, милочка, хватит средств, чтобы кормить меня всю жизнь, а?

— Если понадобится, то я готова и на такие жертвы. В любом случае последнее слово должно остаться не за мной и не за вами. Все должен решать сам Кузя. В конце концов, сложившаяся ситуация прежде всего касается именно его интересов, — твердо произнесла Карина, — Но, какое бы ни было решение он не принял, я не оставлю его без поддержки. Да и вы, надеюсь, тоже.

Тетка немедленно повернула голову к красному, как помидор, мальчишке. Под ее взглядом тот пошел неровными пятнами. Единственным желанием оборванца было немедленно испариться, а лучше, никогда не рождаться. Интересно, а если он сейчас от страха и стыда помрет, они и труп его делить будут? Чушь, опять он не о том думает. Ох, Каринка, нашла помощница... еще не известно, кому больше помощь нужна. Сама не можешь разобраться с той кашей в голове, которая у тебя вместо мозгов.

Кузя уныло окинул глазами растущие около дома деревца и кустики и, правда, едва не испустил дух от неожиданности. Прямо на него, обнажив клыки, смотрел громадный волчара. Сначала подросток изумился, откуда в деревне взялся настоящий лесной хищник, и только потом обратил внимание на цвет его шкуры. Необычный, золотистый с медовыми подпалинами, и человеческие карие глаза с более светлыми пятнышками и прожилками. Жутко знакомые глаза. Это был волк Карины, сомнений не оставалось. И он сидел всего в нескольких метрах от дома, никем не замеченный.

— Карина, — голос Кузи так и норовил превратиться в полу придушенный сип, — Там твой волк...

— Где? — девушка резко повернула голову в указанном направлении. В тот же мновение губы ее изогнулись в странной усмешке. Оборванец не верил глазам: хрупкая, невысокая девушка откровенно издевалась над громадным зверем с четырьмя десятками зубов и неслабым набором когтей. В ответ хищник поднялся с насиженного места среди веток акации (и как он только смог среди колючек столько высидеть?) и медленно поплелся к дому. Теперь уже все находившиеся на крыльце ошарашено следили за его перемещением.

— Ну, что, детка, ты оправдываешь мои ожидания...

— *Стараюсь*, — в голосе ни капли прежнего уважения. Только килограммы издевки и несколько тон раздражения, — *Неужели ты притащился сюда для того, чтобы сообщить мне эту величайшую по своей актуальности новость, а?*

— Язвишь? Правильно. Но, вообще-то, расстояния для меня не проблема. Где ты, там и я. Так что можешь за меня не волноваться.

— *Так что? Заберешь меня прямо сейчас, при свидетелях?*

— **Твое время пока не пришло. Ты хорошо поступила, дав мальчишке самому решать свою судьбу. Но это еще не все. Ник... И только от тебя будет зависеть, что останется в его душе после тебя: гнев с обидой или лишь сладкая ностальгия. Только тебе решать, детка.**

— *Можно тебя кое о чем спросить?* — удобнее момента просто быть не могло. Карина с замиранием сердца ждала разрешения задать самый главный вопрос. Волк кивнул, — *Кто твой хозяин, посланник? Чей разум тебя создал?*

— **Будто бы ты не знаешь. Конечно, знаешь. Просто не хочешь в это верить...**

Зверь снова оскалился, словно на прощанье. Художница было кинулась к нему, но очертания волка уже подернулись дымкой, а через секунду от него не осталось даже легкого марева над дорогой.

— Черт! — вырвалось у девушки, — Ненавижу эту скотину.

— Что такое? Ты узнала, кто... — начала было Зоя. Но подруга лишь недовольно отмахнулась:

— Нет. Он не пожелал мне отвечать.

Подруги недовольно переглянулись. Все это время Екатерина Анатольевна, про которую девушки благополучно забыли так и осталась сидеть, недоверчиво косясь в сторону кустов, из которых появился посланник. Она никогда не видела подобных зверей. И честное слово, больше видеть не желала. К счастью, волк, так и не приблизившись к ним на расстояние прыжка неожиданно развернулся и потрусил в сторону леса. Иначе бы, ей-ей, еще немного, и женщина слегла бы с инфарктом.

— Карина? — подал голос подросток, — Я принял решение.

— И?

— Я хочу жить у тебя.

— Но как же так? — удивленно всплеснула его тетка руками. Мальчик сморщился, предупреждаясь замахав руками.

— Я хочу получить достойное образование и так далее. Однако, ты права в одной вещи: моя тетя — единственный родной мне человек, так что опекуном пусть остается она. И еще... Тетушка, я тебя прощаю.

Она заметила его еще от дверей. Странно, но за ту неделю, что они не виделись, друг сильно изменился. Прямая спина ссутулилась, и, кажется, даже в шевелюре появилось несколько седых волосков. Ник сидел почти в центре зала, в очередной раз, прикинувшись одним из многочисленных посетителей кафе. Узнавал, так сказать, изнутри, что думают о его заведении. Перед ним стояла чашка.

«Кофе с молоком, уже остывший», — заметила про себя Карина, даже не глядя на содержимое фарфоровой емкости. Она хорошо знала привычки парня. Равно, как и он — ее. Художница опустила за соседний столик, только спиной к Нику. Если тот сочтет нужным, то заметит. Не сочтет: нет смысла садиться даже напротив, никакой реакции не дождешься. Ник всегда был для Карины загадкой. Даже после нескольких дней, проведенных с парнем в одной квартире. А уж последний их разговор, нет, унижительная ссора, окончательно все запутала. Девушка запуталась в поведении Ника, запуталась в себе, но осталась уверена в

одном: ресторатор был и остается ее другом.

Задумавшись, Карина повернула голову и удивленно приподняла бровь. Живой звук, еще одна безумная идея парня. Небольшой кусок зала был отдан под сцену, на которую водрузили рояль и несколько стульев для остальных музыкантов со скрипками, флейтами, гитарами и прочими инструментами. В данный момент тишину кафе разбавляли тихие звуки одного рояля. Незнакомая мелодия, красивая, но простая в своей основе. Таковую легко напеть, но и достаточно тяжело до конца запомнить все ее нюансы. Мелодия повторялась, одновременно разрастаясь, наполняясь новыми переходами. Девушка улыбнулась. Пусть. Ник давно мечтал именно о таком. И поймала его взгляд. Ник в упор смотрел на подругу, явно пытаясь отгадать, где она пропадала все эти дни, и чем занималась. Художница едва удержалась от порыва помахать ему рукой. Нет, она все еще была слишком обижена, да и вряд ли сам Ник правильно поймет такой жест. Скорее, решит, что Карина над ним смеется.

Тем временем Никита поднялся, в два прыжка преодолел расстояние до музыкантов и что-то стал нашептывать пианисту. Тот, не переставая играть, кивнул. Мелодия стала преображаться. Не резко, а неспешно перетекая в новую импровизацию. Музыкант явно знал свое дело, без напряжения отстукивая ногой ритм. Карина отвернулась, перейдя к изучению меню. Перевернула страницу и буквально впилась взглядом в одну из строчек. Рядом с каким-то экзотическим названием вместо цены кто-то подписал карандашом: «Твои родители согласны. Я тоже. Что насчет тебя?».

— Дурак, — беззлобно прошептала художница, — Какой же ты все-таки дурак. Упертый и невыносимый.

— Ну, так что, согласна? — раздалось со стороны сцены.

Художница обернулась к Нику, пожав плечами. Что она могла ему сказать? То, что она пришла сюда не для того, чтобы остаться, а чтобы, наоборот, проститься с ним. Что Ник отлично знает о ее выборе, но продолжает глупо сопротивляться ему, и что ничего хорошего из этого не выйдет? И что не сегодня-завтра к ней придет волк и заберет с собой? Или...

Она знала, кто является хозяином волка.

Она знала, зачем это все затевалось.

С самого начала, как только увидела очертания зверя на картине. Нет, даже раньше, когда впервые встретила Ника и поняла, насколько связана обстоятельствами и родительской опекой. И насколько связан он своим стремлением стать выше на ступеньку.

И она прошла этот путь от начала до конца...

— *Что ж, янтарный волк, ты этого так ждал.*

— **Нет, детка, ты сама ждала этого. Ты так хотела поменять свою жизнь на волчий бег. Теперь ты видишь хотя бы, куда бежать... А зачем, тебе и так было ясно.**

Что бы обрести свободу, разделив с кем-то судьбу. Чтобы каждый день просыпаться с мыслью, что у тебя теперь не две, а целых четыре лапы...

...С тобой превращаюсь, и ты превратишься

В шуршание лап по еловой хвое.

И счастливо выть уж не дашь отучиться,

Как не дал стать зверем при солнечном дне.

Четыре лапы... на двоих.

— Я согласна, — Карина резко захлопнула кожаную папку, поднимаясь на ноги. На миг Нику показалось, что вместо девушки перед ним стоит настоящая волчица с сочно-янтарного цвета шерстью. Но нет, всего лишь показалось, — И думаю, что нам не стоит со всем этим затягивать. Какую дату ты назвал моей матери?

— Двадцатое мая, а что?

— Значит, надо подать заявление уже сегодня, — улыбнулась художница, — Ты же не хочешь разочаровать будущую тещу.

— Нет, — весело отозвался Никита, спрыгивая со сцены, — Как я могу?

— Тогда, пойдем?

— Пойдем, — решительно рявкнул парень, выволакивая подругу наружу. Оставшиеся в кафе посетители, как один, рванули к окнам, но ребятам было плевать на воцарившуюся в помещении сутолоку. Они остановились на пороге, как вкопанные.

— **Я рад за тебя, детка,** — волк склонил голову на бок, пристально глядя на Никиту. Тот растеряно смотрел на подругу, боясь, что та сейчас рванет к зверю и оставит его навсегда. Но нет. Художница почему-то смущенно прикусила губу, а потом неожиданно произнесла:

— Хозяйка волка, он больше мне не нужен. Прощай, посланник. И спасибо тебе...

— **Прощай Карина, прощай моя госпожа. Но знай, если я понадобится тебе, только позови меня. Тебе нужна лишь уверенность в себе и самое сокровенное желание сбудется, обещаю.**

— *Я знаю...*

Девушка кивнула, и в ту же минуту волк, махнув хвостом, исчез. На земле осталась лежать только небольшая фигурка из янтаря. Никита наклонился, осторожно сгребая украшение себе в ладонь, и протянул подруге:

— Насколько я понимаю, он не вернется?

— Пока я не захочу, — уточнила Карина, — Странно, что в Леркиной книге не был описан такой случай. Хотя, может, подобное случилось впервые. Не у двух, а у трех человек настолько совпали желания, что появление посланника стало просто необходимым. Мне было так плохо, я до того хотела двигаться в одном темпе с планетой, что сама, не догадываясь об этом, спроецировала этого волка. Потом ты. Насколько я понимаю, чем больше ты укреплялся в своем стремлении освободиться от существования ради существования, тем яснее представлялся тебе зверь. А уж когда ты окончательно принял решение, ему ничего не оставалось, как вырваться из картины и обрести плоть. Да еще и Кузя. Не знаю, что вертелось в голове у этого парня, но волк загреб и его в свои лапы.

— Получается, что во всем пережитом мной, виноват я сам? — вешая на шею девушки шнурок с янтарным волком, спросил Ник. Карина утвердительно кивнула и добавила:

— Ну, и мы с Кузькой немного постарались. Но ты же не в обиде, правда?

— И как же ты догадалась, что именно ты являешься его... источником? — увильнувшись от ответа, спросил парень.

— Да все просто. Кому еще придет такая «гениальная» идея доводить меня до нервного срыва? Как ты там говорил? Есть люди, которые сами выдумывают себе несуществующие мучения, играют роль страдальцев. И все для того, что бы им доказали, что жизнь — намного лучше, чем им кажется. Вот к такой категории я и отношусь, Ник. Ну, так что, нужна тебе такая жена?

— Ох, Карина, Карина, — только и смог выдать Никита в ответ. Однако девушка и так

Все поняла.

А где-то на горизонте догорал янтарный закат.

Больше книг на сайте - Knigolub.net